

АПОКАЛИПСИСЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

1. *Разсыпанное царство.* 2. *Какъ мы умираемъ.*

Разсыпанное счастье

Филаретъ Святитель Московскій былъ послѣдній (не единственный-ли?) великій іерархъ Церкви Русской.. «Былъ крестный ходъ въ Москвѣ. И вотъ всѣ прошли, — архіереи, митрофорные черен, купцы, народъ: пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вотъ поодаль отъ послѣдняго народа шель оны. Это былъ Филаретъ».

Такъ рассказывалъ мнѣ одинъ старый человекъ. И прибавилъ, указывая отъ полу — на крошечный ростъ Филарета:

— «И я всѣхъ забылъ, все забылъ: и какъ вижу сейчасъ — только его одного».

Какъ и я «все забылъ» въ Московскомъ университетѣ. Но помню его глубокомысленную подпись подъ своимъ портретомъ въ актовой залѣ.

Слова, выговоры его были разительны. Совѣты мудры (императору, властямъ). И весь онъ былъ великолѣпенъ.

Единственный...

Но что-же «опрежъ того» и «потомъ»? — незамѣтное, дробн. «Мы ихъ видѣли» (отчасти). *Nota bene*. Всѣ сколько-нибудь выдающіеся были уже съ «ересью потаенною». Незамѣтно, безмолвно, но съ ересью. Тогда — какъ Филаретъ былъ «во всемъ правъ».

Онъ даже Синодъ читалъ. Былъ «сознательный синодаль». И Николая Павловича читалъ — хотя отъ него-же былъ «зволень въ отпускъ отъ Синода и не появлялся никогда тамъ»). Тутъ — не въ церкви, но въ императорствѣ — уже совершился или совершался переломъ, надломъ. Какъ было великому Государю, и столь консервативному, не содѣлать себѣ близкимъ совѣтникомъ велячайшій и тоже консервативный умъ перваго церковнаго свѣтила за всю судьбу Русской Церкви?

Разонялся по мелочамъ. Правъ этотъ бѣсъ Гоголь.

Между тѣмъ Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Гоголь, Филаретъ — какое осяніе Царства. Но Николай хотѣлъ одинъ сѣять «со своимъ другомъ Вильгельмомъ-Фридрихомъ» которымъ-то. Это былъ

*) Столкновение съ оберъ-прокуроромъ, генераломъ Протасовымъ. «Шпоры генерала цѣпляются за мою мантію», выразилъ Филаретъ заочно. Это было донесено Государю.

плюсскій баранъ, занутившійся въ терновникѣ, и уже приготованный къ закланію (династія).

И вотъ рушилось все, разомъ, царство и церковь. Попамъ лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснѣе, чѣмъ царство. Царь выше духовенства. Онъ не ломался, не глалъ. Но видя, что народъ и солдатчина такъ ужасно отреклись отъ него, такъ предали (ради гнусной распутинской исторіи), и тоже — дворянство (Родзянко), какъ и всегда фальшивое «представительство», и тоже — и «господа купцы», — написалъ просто, что въ сущности онъ отрекается отъ такого подлаго народа. И сталъ (въ Царскомъ) колотъ ледъ. Это разумно, прекрасно и полномочію.

«Я человекъ хотя и маленькій, но у меня тоже 32 ребра» («Дѣтскій міръ»).

Но Церковь? Этого-то Андрей Уфимскій? Да и всѣ. Раньше ихъ было «32 іерея» съ желаніемъ «свободной церкви» «на канонахъ поставленной». Но теперь всѣ 33333... 2...2...2 іерея и подъ-іерея и сверхъ-іерея подскочили подъ-соціалиста, подъ-жида и не подъ-жида*); и стали вопіять, глаголатъ и сочинять, что «церковь Христа» и всегда была въ сущности социалистической», и что особенно она ужъ никогда не была монархической, а вотъ только Петръ Великій «принудилъ насъ лгать».

Русь слиняла въ два дня. Самое большее — въ три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть такъ скоро, какъ закрылась Русь. Поразительно, что она разомъ разсыпалась вся, до подробностей, до частныхъ. И, собственно, подобнаго потрясенія никогда не бывало, не исключая «Великаго переселенія народовъ». Тамъ была — эпоха, «два или три вѣка». Здѣсь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что-же осталось-то? Страннымъ образомъ — буквально ничего.

Остался подлый народъ, изъ коихъ вотъ одинъ, старикъ лѣтъ 60-ти, «и такой серьезный», Новгородской губерніи, выразился: «изъ бывшего паря надо бы кожу по одному ремню тянуть». Т. е. не сразу сорвать кожу, какъ индійцы скальпель, но надо по-русски вырѣзывать изъ сто кожи ленточка за ленточкой.

И что ему царь сдѣлалъ, этому «серьезному мужичку»**).

Вотъ и Достоевскій...

*) Пишу безъ порицанія и ироніи, а лишь въ томъ отгнѣненіи, что для духовенства и въ его словооборотахъ они всегда были въ уничижительно-презрѣнномъ смыслѣ «жидами». Но дѣло поворачивается къ Апокалипсису, съ его «пѣснью Моисея, раба Божія», и объ нихъ еще долгіе сказы, — какъ оказывается, — болѣе долгіе, чѣмъ о нашей несчастной Руси.

***) Рассказъ мнѣ въ мѣстечкѣ Суда (станція Николаевской ж. - д.) Новгородской губ., г-жи Непениной, жены управляющаго хозяйственною частью «Нов. Времени».

Вот тебѣ и Толстой, и Алпатычъ, и «Война и Миръ».

Что - въ сущности произошло? Мы все шалили. Мы шалили подъ солнцемъ и на землѣ не думая, что солнце видитъ и земля слушаетъ. Серьезенъ никто не былъ, и, въ сущности, цари были серьезнѣе всѣхъ, такъ-какъ даже Павель, при его способностяхъ, еще «трудился» и былъ рыцарь. И, какъ это нерѣдко случается, — «жертвою палъ невинный». Вѣчная исторія и все сводится къ Израилю и его тайнамъ. Но оставимъ Израиля, сегодня дѣло до Руси. Мы въ сущности играли въ литературѣ. «Такъ хорошо написалъ». И все дѣло было въ томъ, что «хорошо написалъ», а что «написалъ» — до этого никому дѣла не было. По *содержанію* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость безстыдства и наглости, — какъ ни единая литература. Въ большомъ Царствѣ, съ большою силою, при народѣ трудолюбивомъ,мышленномъ, покорномъ, — что она сдѣлала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этотъ народъ хотя научили гвоздь выковыривать, серпъ исполнить, косу для косыбы сдѣлать («вывозимъ косы изъ Австріи», — географія). Народъ росъ совершенно первобытно съ Петра Великаго, а литература занималась только, «какъ они любили» и «о чемъ разговаривали». И всѣ «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и еще «любили».

Никто не занялся тѣмъ (и я не читалъ въ журналахъ ни одной статьи, — и въ газетахъ тоже ни одной статьи), что въ Россіи нѣтъ ни одного аптекарскаго магазина, т. е. сдѣланнаго и торгуемаго русскими человекомъ, — что мы не умѣемъ изъ морскихъ травъ извлекать йоду, а горчишники у насъ «французскіе», потому что русскіе все-человѣки не умѣютъ даже намазать горчицы разведенной на бумагу съ закрѣпленіемъ ея «крѣпости», «духа». Что же мы умѣемъ? А вотъ, видите ли, мы умѣемъ «любить» какъ Вронскій Анну и Литвиновъ Ирину и Лежневъ Лизу и Обломовъ Ольгу. Боже, по любить нужно въ семьѣ; но въ семьѣ мы кажется не особенно любили, и, пожалуй, тутъ тоже вмѣшался чертовъ бракоразводный процессъ («люби по долгу, а не по любви»). И вотъ церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстаги и «по закону»...

Какъ мы умираемъ ?

Ну, что-же: пришла смерть и значить пришло время смерти. Смерть, могила для 1/6 части земной суши. «Простое этнографическое существованіе для бывшаго Русскаго Царства и имперіи», о которомъ уже поговариваютъ, читаютъ лекціи, о которомъ могутъ думать, съ которымъ въ сущности мирятся. Какіе-то «позабскіе славяне», въ которыхъ преобразуется *бывшая* Русь.

«*Бывшая* Русь»... Какъ это выговорить? А уже выговаривается. Печаль не въ смерти. «Человѣкъ умираетъ не когда онъ со-

зрѣлъ, а когда онъ достѣлъ». Т. е. когда жизненные соки его при шли къ состоянію, при которомъ смерть становится необходима неизбежна.

Если нѣтъ смерти человѣка «безъ воли Божіей», то какъ мы могли-бы допустить, могли-бы подумать, что можетъ настать смерть народная, царствнная «безъ воли Божіей»? И въ этомъ весь во прось. Значить, Богъ не захотѣлъ болѣе быть Русн. Онъ гонить е изъ подъ солнца. «Уйдите, ненужные люди».

Почему мы «ненужные»?

Да ужъ давно мы писали въ «золотой своей литературѣ» «Дневникъ *лишнего* человѣка», «Записки *ненужнаго* человѣка» Тоже — «*спраднаго* человѣка». Вы думали «*подполья*» всякія... Мы какъ-то прятался отъ свѣта солнечнаго, точно стыдясь за себя.

Человѣкъ, который стыдится себя? — развѣ отъ него не сты дится солнце? Солнышко и человѣкъ — въ связи.

Значить, мы «не нужны» въ подсолнечной и уходимъ въ ка кую-то ночь. Ночь. Небытіе. Могила.

Мы умираемъ какъ фанфароны, какъ актеры. «Ни креста, ни молитвы». Ужъ если при смерти чьей нѣтъ креста и молитвы — то это у русскихъ. И страшно. Всю жизнь крестились, богомоли лись: вдругъ смерть — и мы сбросили крестъ. «Просто, какъ пра вославнымъ человѣкомъ русскій никогда не живалъ». Переходъ въ социализмъ и значить въ полный атеизмъ совершился у мужиковъ у солдатъ до того легко, точно «въ баню сходили и окатились новою водой». Это — совершенно точно, это дѣйствительность, а не дикій кошмаръ.

Собственно, отчего мы умираемъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — какъ выразить въ одномъ словѣ, собрать въ одну точку? Мы умираемъ отъ единственной и основательной причины: *неуваженіе себя*. Мы собственно самоубиваемся. Не столько «солнышко наст гонить», сколько мы сами гонимъ себя. «Уйди ты, чертъ».

Нигилизмъ... Это и есть нигилизмъ, — имя, которымъ давнѣ окрестилъ себя русскій человѣкъ, или, вѣрнѣе — имя, въ которое онъ раскрестился.

— Ты кто? блуждающій въ подсолнечной?

— Я нигилистъ.

— Я только *дѣлалъ видъ*, что молился.

— Я только дѣлалъ видъ, что *живу въ царствѣ*.

— На самомъ дѣлѣ — я самъ себя свой человѣкъ.

— Я рабочій трубочнаго завода, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

— Мнѣ-бы поменьше работать.

— Мнѣ-бы побольше гулять.

— А мнѣ-бы не воевать.

И солдатъ бросаетъ ружье. Рабочій уходитъ отъ станка.

— Земля — она должна сама родить.

И уходитъ отъ земли:

— Известно, земля Божья. Она всёю поровну.

Да, но не Божий ты человекъ. И земля, на которую ты надѣешься, ничего тебѣ не дастъ. И за то, что она не дастъ тебѣ, ты оближешь ее кровью.

Земля есть Каинова и земля есть Авелева. И твоея, русскій, земля Каинова. Ты проклялъ свою землю и земля прокляла тебя. Вотъ нигилизмъ и его формула.

И солнышко не свѣтитъ на чернаго человека. Черный человекъ ему не нуженъ.

Замѣчательно, что мы уходимъ въ землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные: помните, этотъ августъ мѣсяць, и встрѣчу Царя съ народомъ, гдѣ было все притворно? И побѣды, — гдѣ самая замѣчательная была побѣда казака Крючкова, по обыкновенію отрубившаго семь головъ у нѣмцевъ. И это Меншиковское храброе — «Должны побѣдить». И Долиной — побѣдные концерты, въ паркѣ Чиниселли и потомъ въ Царскомъ. Да почему «должны побѣдить»? Побѣда создается не на войнѣ, а въ мирное время. А мы въ мирное время ничего не дѣлали, и ужъ если что мы знали хорошо, то это — то, что ровно ничего не дѣлаемъ. Но дальше — еще лучше. Ужъ если чѣмъ мы увидимъ восторженно, то это — революціей. «Полное исполненіе желаній». Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ мы не сыты. «Ужъ самъ жаждущій когда утолился, и голодный — насытился, то это въ революціи». И вотъ еще не износили революціонеры первыхъ салоговъ — какъ трупомъ валится въ могилу. Не актеръ-ли? Не фанфаронъ-ли? И гдѣ-же пани молитвы? и гдѣ-же пани кресты? «Ни одинъ погъ не отпѣлъ-бы такого покойника».

Это колдунъ, оборотень, а не живой. Въ немъ живой души нѣтъ и не было.

— Нигилиста.

О нигилистахъ панихидъ не правятъ. Отграничиваются: «ну его къ черту».

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

1/6 часть суши. Упоенная революція, какъ упоенна была з войла. «Мы побѣдимъ». О, беспремьно. Такъ не есть-ли это страшный фактъ, что 1/6 часть суши какъ-то все пронзрала изъ себя «волчцы и терни», пока солнышко не сказало: «мяѣ не надо тебя». «Мнѣ надоѣло свѣтить на пустую землю».

Нигилизмъ. — «Что-же растеть изъ тебя?»

— Ничего.

Надъ «ничего» и толковать не о чемъ.

— Мы не уважаемъ себя. Суть Руси, что она не уважаетъ себя.

Это понятно. Можно уважать трудъ и потъ, а мы не потѣли и не трудились. И то, что мы не трудились и не потѣли, и есть источникъ, что земля сбросила насъ съ себя, планета сбросила.

По заслугамъ-ли?

Слишкомъ.

Какъ 1.000 лѣтъ существовать, прожить княжества, прожить царство, имперію, со всѣми придти въ связь, надѣть плюмажи, шляпу, сдѣлать богомольный видъ: выругаться, сояственно — выругать самого себя «нигилистомъ» (потому-что по нормальному это вѣдь есть ругательство) и умереть.

Россія похожа на ложнаго генерала, надъ которымъ какой-то ложный попъ поетъ панихиду. «На самомъ-же дѣлѣ это былъ бѣглый актеръ изъ провинціального театра».

Самое разительное и показующее все дѣло, всю суть его, самую сутеньку — заключается въ томъ, что «ничего въ сущности не произошло». «Но все — разсыпалось». Что такое совершилось для паденія Царства? Буквально, — оно пало въ будень. Шла какая-то «среда», ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ. Ни — воскресенья, ни — субботы, ни хотя-бы мусульманской пятницы. Буквально, Богъ плюнулъ и задулъ свѣчку. Не хватало провизіи и около лавочекъ образовались хвосты. Да была оппозиція. Да царь скапризничалъ. Но когда же на Руси «хватало» чего-нибудь безъ труда еврея и безъ труда нѣмца? когда-же у насъ не было оппозиціи? и когда царь не капризничалъ. О, тоскливая пятница или понедѣльникъ, вторникъ...

Можно-же умереть такъ тоскливо, вопиюще, скверно. — «Актеръ, ты-бы хоть жестъ какой сдѣлалъ. Вѣдь ты всегда, былъ съ готовностью на Гамлета». «Помнишь свои фразы? А то даже Леонидъ Андреевъ ничего не выплюнулъ. Полная проза».

Да, ужь если что «скучное дѣло», то это — «паденіе Руси».

Задую свѣчку. Да это и не Богъ, а... пла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо, Мерзко, «Ты намъ трагедіи не играй, а подавай водевиль».

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

1. *Мое предвидѣніе.* 2. *Послѣднія времена.*

Мое предвидѣніе

Я прочелъ въ «Новомъ Времени», въ передовой статьѣ, что «съ Германіею Россія можетъ заключить миръ *зотъ сейчасъ*, если уступить ей Курляндію и Лифляндію съ Ригою, и еще нѣкоторыя части отечественной территоріи. Думаю, что это изъ тѣхъ опасныхъ иллюзій, за которыя мы вообще уже столько заплатились. Не будемъ даже вспоминать слова Бисмарка, что «побѣжденному побѣдитель оставляетъ только глаза, чтобы было чѣмъ плакать». Это совсѣмъ не нужно, т. е. припоминаній о Бисмаркѣ. Но нельзя представить себѣ, чтобы Германія, потерявъ, во всякомъ случаѣ, нѣсколько милліоновъ не населенія вообще, а той отборной части населенія, которую образуетъ армія, удовлетворилась крошечною территоріею съ такимъ-же числомъ только населенія. Нельзя вообще представить себѣ, чтобы Германія подъяла войну такой страшной опасности и риска, такой невѣроятной тяжести, ради расчета на такое смѣхотворное пріобрѣтеніе. Несомнѣнно, она только успокаиваетъ насъ иллюзіей мира; и почти это входитъ въ составъ ея жестокости. Какъ это нужно и для поблдованья и духовнаго обмана глупыхъ россійскихъ социалистовъ. Какъ послѣдній аргументъ своей мысли, я беру то, что для Германіи, — оставъ она цѣлою Россію и, такъ сказать, способною къ выздоровленію, — она, конечно, еще никогда не увидитъ ее столь беззащитной, съ арміею, которая просто кидаетъ оружіе и уходитъ домой. И воображать, что Германія не разработаетъ этотъ исключительный, этотъ невѣроятный случай, никогда ей и не мечтавшійся, со всѣмъ богатствомъ возможностей, со всѣмъ обиліемъ плода, — это просто показываетъ, что мы совершенные дѣти въ политикѣ.

Я имѣю самыя печальныя предчувствія. Я думаю, она разработаетъ дѣло въ смыслѣ уже былаго факта, такого же: именно — какъ было нѣкогда *завоеваніе Англій норманами*. И Вильгельмъ не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, съ заключеніемъ на о-вѣ св. Елены, манится гораздо болѣе удачнымъ жребіемъ второго Вильгельма Завоевателя. Конечно, — послѣ Петрограда онъ двинется на Москву, на Волгу, и завоюетъ *именно Великороссію*, какъ центръ «Всея Руси», послѣ чего захватитъ и Малороссію съ Новороссіей, — причемъ ему и

вознаградить союзника будетъ изъ чего. Мы вообще стоимъ передъ фактомъ завоеванія Россіи, покоренія Россіи, — къ чему *препятствій видѣ нѣтъ*. А такое отсутствіе препятствій къ покоренію Россіи конечно никогда на произяженіи всей германской исторіи не повторится. И это не трудно предвидѣть, предсказать; и это въ Берлинѣ предвидится также хорошо, какъ — если бы были позорче люди въ Петроградѣ — можно было бы предвидѣть и въ Петроградѣ.

Защита Англій и Франціи? Это такъ далеко. Не десантъ-же имъ дѣлать. Да и Германія теперь десанта уже не пропуститъ. Это вполне въ ея власти, при владѣніи проливами около Эзеля и Даго. Да, освободивъ часть арміи изъ Россіи, она представитъ такую угрозу и самой Франціи и Англій, съ какою имъ справиться будетъ чрезвычайно трудно. А, во всякомъ случаѣ, черезъ самое небольшое число лѣтъ, обогатившись всѣми средствами Россіи, и, между прочимъ, пользуясь и ея людскимъ матеріаломъ (вотъ у нѣмцевъ русскіе солдаты и бывше социалисты пойдутъ въ сраженія!), Германія несомнѣнно расправится и съ Франціею, и съ Англіею, и съ Италіею. И моя почти шутившая игра воображенія «Итальянскихъ впечатлѣній»: — «Возможный тегемонъ Европы» (отдѣльная глава) — осуществится. Уже тогда было что-то такое въ Берлинѣ, что-то носилось въ самомъ воздухѣ, почему чувствовалось это. Да и пѣенка: «Deutschland, Deutschland — über alles», можетъ быть была не столько реально-глупою, сколько вытѣренно-пророчесвенною, сколько жаднымъ аппетитомъ. Германскій волкъ зовъ и толеть. И нашей бѣдной Россіи, стоящей передъ нимъ такимъ пушистымъ агнецомъ, онъ не пощадитъ. А агнечокъ совершенно беззащитенъ.

Хороши-же социалисты и вообще всероссійская демократія: скормить, все отечество скормить, лютейшему врагу. Скормить не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Но нельзя не сказать: хороши и «лучшіе люди Россіи», начинавшіе революцію въ такую роковую войну, и, какъ оказалось потомъ, ничего рѣшительно не предвидѣвшіе. Ленинъ и социалисты оттого и мужественны, что знаютъ, что ихъ некому будетъ судить, что судья будутъ отсутствовать, такъ-какъ они будутъ съѣдены. (Октябрь).

Послѣднія времена

Не довольно-ли писать о нашей вонючей Революціи, — и о прогнившемъ насквозь Царствѣ, — которая во-истину стоятъ другъ друга. И — вернуться къ временамъ стройнымъ, къ временамъ отвѣтственнымъ, къ временамъ страшнымъ...

Вотъ — Апокалипсисъ... Тайнственная книга, отъ которой обжигается языкъ, когда читаешь ее, не умѣетъ сердце дышать... умираетъ весь составъ человѣческой, умираетъ и вновь воскресаетъ... Онъ открывается съ первыхъ же строкъ *судомъ надъ церквами*

Христосыжи, — тѣмъ, которыя были въ Малой Азiи, въ Лаодикии, въ Смирнѣ, въ Фіатирѣ, въ Пергамѣ и другихъ городахъ. Но, очевидно, не Лаодикия, не Пергамъ, и проч., лежащія нынѣ въ руинахъ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ значеніе для «послѣднихъ временъ», какіе имѣетъ въ виду писатель странной книги. Но онъ рассмотрѣлъ посаженное Христомъ дерево, и уловилъ съ неизъяснимою для себя и для времени глубиною, что оно — не Дерево жизни; и предречь его судьбу въ то самое время, въ которое церкви только-что зарождались.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Апокалипсисъ — не христіанская книга, а — противохристіанская. Что «Христосъ» упоминаемый — хотя немного — въ немъ, «съ мечомъ, исходящимъ изъ устъ его», и съ ногами «какъ изъ камня сардиса и халкедона», — ничего-же не имѣетъ общаго съ повѣствуемымъ въ Евангеліяхъ Христомъ. Въ устройствѣ Неба — ничего-же общаго съ какими-бы то ни было представленіями христіанскими. Вообще — «все новое»... Тайнозритель Самъ, волею своею и вспомошествоющею ему Божіею волею, — срываетъ звѣзды, уничтожаетъ землю, все наполняетъ развалинами, все разрушаетъ: разрушаетъ — христіанство, страннымъ образомъ «плачущее и вонющее», безсилное и никѣмъ не вспомошествоваемое. И — сотворяетъ новое, какъ *утѣшете*, какъ «утертыя слезы» и «облеченіе въ бѣлыя одежды». Сотворитъ радость жизни, на землѣ: — *именно на землѣ*, — превосходящую какую-бы то ни было радость, изжитую въ исторіи и испытанную человечествомъ.

Если-же окинуть всю вообще компановку Апокалипсиса, и спросить себя: — «да въ *чемъ*-же дѣло, какая *тайна* суда надъ церквами, откуда *иньтъ*, *ярость*, прямо ревъ Апокалипсиса» (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы какъ разъ уткнемся въ наши времена: да — въ *безземліи* христіанства устроить живнй человеческую, — дать «земную жизнь», именно — земную, тяжелую, скорбную. Что и выразилось къ нашей минутѣ, — именно къ нашей, гонимейшей... въ которую «Христосъ не провозитъ хлѣба, а — желѣзные дороги» выразимся уже мы цинично и грубо. Христіанство вдругъ все позабыли, въ одинъ моментъ, — мужики, солдаты, — потому-что оно *не всемошествоуетъ*; что оно не предупредило ни войны, ни безхлѣбны. И только все поетъ, и только все поетъ. Какъ пѣвчица. «Слушали мы васъ, слушали. И перестали слушать».

Ужасъ, о которомъ еще не догадываются, больше, чѣмъ онъ есть: что не грудь человѣческая стгноива христіанство, а что христіанство стгноило грудь человѣческую. Вотъ ревъ Апокалипсиса. Безъ этого не было-бы «земли новой» и «неба новаго». Безъ этого не было-бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсисъ требуетъ, зоветъ и велитъ новую религію. Вотъ его суть. Но что-же такое, что случилось?

Ужасно апокалипсично («сокровенно»), ужасно странно: что

люди, народы, человечество — переживают апокалипсический кризис. Но что само христианство кризиса не переживает. Это до того очевидно, до того читается въ самомъ Апокалипсисѣ, вотъ «въ самыхъ этихъ его строкахъ», что поразительно, какимъ образомъ ни единый изъ читателей и безчисленныхъ толкователей, этого совершенно не замѣтилъ. Народы «поютъ новую пѣснь», утѣшаются, облачаются въ бѣлую одежду и ходятъ «къ древу жизни», на «источники воды». Куда ни палы, ни прежніе священники вовсе ни кого не водили.

Блудницы вопіютъ. Первосвященники плачутъ. Цари стонутъ. Народы извиваются въ мукахъ: но — *остатокъ отъ народа* спасается и получаетъ величайшее утѣшеніе, въ которомъ, однако, ни одной черты христіанскаго, — христіанскаго и церковнаго, — уже не сохраняется.

Но что-же, что-же это такое? почему Тайновритель такъ очевидно и неоспоримо говорить, что *человѣчество переживетъ* «свое христианство» и *будетъ еще долго послѣ него жить*: судя по изображенію, ничѣмъ не оканчивающемуся, — безконечно долго, «вѣчно».

Проведемъ параллели:

Евангеліе — рисуетъ

Апокалипсисъ — вращаетъ массами, глыбами творить.

Въ образахъ, которые силою превосходятъ евангельскія картины, а красою не уступаютъ имъ, и которые провозвѣщаютъ, кричатъ и вопіютъ къ небу и землѣ, онъ говоритъ, что еще не перешедшія за городки Малой Азіи церкви, — первыя общины христіанскія, — распространяются во всей Вселенной, по всему міру, по всей землѣ. И въ моментъ, когда настанетъ полное и казалось-бы окончателное торжество христіанства, когда «Евангеліе будетъ проповѣдано всей твари», — оно падетъ сразу и все, со своими царствами, «съ царями помогавшими ему», и — «восплачутъ его первосвященники». И что среди полного крушенія настанетъ совершенно «все новое», при «падающихъ звѣздахъ» и «небѣ, свившемся какъ свитокъ». «Перестанетъ небо», «перестанетъ земля», и станетъ «все новое», ни на что прежнее *не похожее*. Сказать это за 2.000 лѣтъ, предречь съ нѣкоторыми до буквальной теперь сбывающимися исполненіями, перенесясь черезъ всю христіанскую исторію, какъ-бы пронзая «рогомъ» такую толпу временъ и необъятность событій, — это до того странно, невѣроятно, что никакое изъ рѣченій человѣческихъ по-истинѣ не идетъ въ сравненіе. Апокалипсисъ — это событіе. Апокалипсисъ — это не слово. Что-то похоже на то, что Вселенная изрыгнула его сейчасъ послѣ того, какъ другой Учитель тоже Вселенной проговорилъ свои вѣщія и грозныя слова, тоже въ первый разъ произнеся «судъ міру сему».

И вотъ — два суда: изъ Иерусалима о самомъ этомъ Иерусалимѣ, главнымъ образомъ — объ Иерусалимѣ; и съ острова Патмоса — надъ Вселенною, которую научилъ тотъ Учитель.

Нѣтъ-ли разницы въ самой компановкѣ словъ? И, хоть это очень странно спрашивать о такихъ событіяхъ-словахъ: нѣтъ-ли чего *показующаго для души въ стилѣ литературнаго изложенія?*

Евангеліе — человѣческая исторія, намъ рассказанная; исторія Бога и человѣка; «богочеловѣчскій процессъ» и «союзъ».

Апокалипсисъ какъ-бы кидаетъ этотъ «богочеловѣчскій союзъ» — какъ негодное, — какъ изношенную вещь.

Но фундаментъ? фундаментъ? Но — почему? почему?

Въ образахъ до такой степени чрезмѣрныхъ, что даже Книга Іова кажется около него безсиліемъ и изнеможеніемъ, что даже «сотвореніе міра и человѣка» въ Книгѣ Бытія — тоже тускло и слабо, блѣдно и безкровно, онъ именно *въ структурѣ могущества и показываетъ суть свою*. Онъ какъ-бы реветъ «въ концѣ времени», для «конца времени», для «послѣдняго срока человѣчества»:

Безсиліе.

Конецъ міра и человѣчества будетъ таковъ, потому-что Евангеліе есть книга изнеможеній.

Потому-что есть:

мочь

и — не мочь.

И что Христосъ пострадалъ и умеръ за

не мочь... хотя-бы и былъ въ полной и абсолютной истинѣ.

Христіанство — неистинно; но оно — не мочно.

И образъ Христа, начертанный въ Евангеліяхъ, — вотъ именно такъ, какъ тамъ сказано, со всею подробностью, съ чудесами и прочесъ, съ явленіями и т. под., не являетъ ничего однако, кромѣ *немощи, изнеможенія...*

Апокалипсисъ какъ-бы спрашиваетъ: да, Христосъ могъ описывать «красоту полевыхъ лилій», призвать слушать себя «Марію, сестру Лазаря»; но Христосъ не посадилъ дерева, не выросилъ изъ себя травки; и вообще онъ «безъ зерна міра», безъ — *ядеръ*, безъ — *шкры*; не травянистъ, не животенъ; въ сущности — не бытіе, а — почти призракъ и тѣнь; какимъ-то чудомъ пронесшаяся по землѣ. Тѣнистость, тѣниность, пустынность Его, небытіевственность — сущность Его. Какъ будто это — только Имя, «рассказъ». И что «послѣднія времена» потому и покажутся такъ страшны, покажутся до того нефроитно-ужасны, такъ вопіюще «голодны», а сами люди превратятся въ какихъ-то «скорпіоновъ, жалящихъ самихъ себя и одинъ другого», что вообще-то — «ничего не было», и сами люди — точно съ отощавшими отвислыми животами, и у которыхъ можно ребра сосчитать, — обратились таинственнымъ образомъ въ «тѣней человѣка», въ «призраки человѣка», до извѣстной степени — въ человѣка «лишь *по имени*».

О, о, о...

Вотъ, вотъ, вотъ...

Не узнаемъ-ли мы *себя* здѣсь? И какъ тогда не реветъ Апока-

липису, и не наполнять Престоль Небесный — животными, почти — животами, брюхами — все самыхъ мощныхъ животныхъ, тоже — ревушихъ, кричащихъ, воплющихъ — льва, быка, орла, дѣвы. Все — полеть, все — сила. Почему-бы не колибри и не «длиніи полевия»? Маленькая птичка — хороша какъ и большая, а «длиніи» не хуже баобаба. И вдругъ Апокалипсисъ оретъ:

— Больше мяса...

— Больше воля...

— Больше рева...

— Миръ отоцалъ, онъ боленъ... Тайственная Тѣнь навела на миръ хворь...

— Миръ — умолкаетъ...

— Миръ — безжизненъ...

— Скорѣе, скорѣе, пока еще не поздно... Пока еще послѣднія минуты длятся. «Поворотъ всего назадъ», «новое небо», «новыя звѣзды»...

Обиліе «водъ жизни», «Древо жизни»...

Солнце загорѣлось раньше христіанства. И солнце не потухнетъ если христіанство и кончится. Вотъ — ограниченіе христіанства, противъ котораго ни «обѣднїи», ни «панхиды» не помогутъ. И еще объ обѣднїяхъ: ихъ много служили, но человѣку не стало легче.

Христіанство не космологично, «на немъ трава не растетъ». И скотъ отъ него не множится, не плодится. А безъ скота и травы человѣкъ не проживетъ. Значить «при всей красотѣ христіанства» — человѣкъ всетаки «съ нимъ однимъ не проживетъ». Хорошъ монастырь, «въ немъ полное христіанство»; а всетаки *питается онъ около сосѣдней деревеньки*. И «безъ деревеньки» всѣ монахи перемерли-бы съ голоду. Это надо принять во вниманіе, и обратить вниманіе на ту вопль «апокалипсическую мысль», что *само въ себѣ и одно* — христіанство проваливается, «не есть», гнило, голодаетъ, жаждетъ. Что «питается» оно — *не христіанствомъ*, не христіанскими знаками, не христіанскими произрастанїями. Что, такимъ образомъ, — христіанство само и одно, чистое и самое восторженное, зоветъ, требуетъ, алчетъ — «и *не христіанства*».

Это — поразительно, но такъ. Хороша была бесѣда Спасителя къ пяти тысячамъ народа. Но пришелъ вечеръ и народъ возжаждалъ: — «Учитель, *хлѣба*!»

Христея далъ хлѣба. Одно изъ величайшихъ чудесъ. Не сомнѣваемся въ немъ. О, нисколько, ни мало, ни юточки. Но скажемъ: каково-же солнце, которое неизрѣченными тьмамъ народа даетъ хлѣбъ, — даетъ какъ «по службѣ», по «должности», почти «по пещивъ». Даетъ и *можетъ* дать. Даетъ и значитъ *хочетъ* дать?

У солнца — воды и... *хотѣніе?*

Но... тогда «вааль-солнце»? вааль-солнце — финикиянь?

И тогда «поклонимся Ему»? Ему и его великой — моши?

— Это-то уже несомнѣнно. Ему и его великому, благородному *человѣколюбивому хотѣнію*?...?? Это-же невѣроятно. Но что «солнце больше можетъ, чѣмъ Христось» — это самъ пала не оспорить. А что солнце больше Христа желаетъ счастья челоуѣчеству — объ этомъ еще сомнѣвается, но уже ничего не хотѣ-омъ возразить Владиміръ Соловьевъ, изучавшій весь «бого-челоуѣческій процессъ» и строившій «ветхозавѣтную теургію» и «ветхо-завѣтное домостроительство» (или «теократію»).

Мы же беремъ прямо Финикію:

«Ты — ходилъ въ Саду Божіемъ... Сіялъ среди игристыхъ огней»... «Ты былъ нервенецъ Мой, первенецъ отъ созданія міра», — говоритъ Іезекіиль или Исаія, — кто-то изъ ветхо-завѣтныхъ, — говоритъ городу, въ которомъ поклапались Ваалу и пи мало ни Іеговѣ.

Ну, кто-же не видитъ изъ моихъ тусклыхъ словъ, что «бого-челоуѣческій процессъ воплощенія Христова» потрясается. Онъ потрясается въ буряхъ, онъ потрясается въ молніяхъ... Онъ потрясается въ «голодовкахъ челоуѣчества», которыя настали, настаютъ нынѣ... Въ вопіаніяхъ народныхъ. «Мы вопіали Христу и Онъ не помогъ». «Онъ — немощень». «Пожолимся Солнцу: оно больше можетъ. Оно кормитъ не 5.000, а тьмы темъ народа. Мы только не взирали на Него. Мы только не догадывались.

— «Христось — мяса!».

— «На ребра, въ брюхо, дѣтямъ нашимъ и намъ!».

Христось молчатъ. Не правда-ли? Такъ не Тѣнь-ли онъ? Таинственная Тѣнь, наведшая отощаніе на всю землю.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

1. Кроткая. 2. Что-то таксе случилось. 3. Зачѣмъ они звонятъ? 4. Дѣдъ. 5. «Москва слезамъ не въпритѣ». 6. Объ одномъ народцѣ. 7. Ежедневность. 8. Солнце.

К р о т к а я

Ты не прошла мимо міра, дѣвушка... о, кротчайшая изъ кроткихъ... Ты испуганнымъ и искривленнымъ глазкомъ смотрѣла на него. Задумчиво смотрѣла... Любяще смотрѣла... И запѣвала пѣсню... И заплетала въ косу ленту...

И сердце стучало. И ты томилась и ждала.

И шли въ мірѣ богатые и знатные. И говорили рѣчи. Учили и учились. И все было такъ красиво. И ты смотрѣла на эту красоту. Ты не была завистлива. И тебѣ хотѣлось подойти и пристать къ чему-нибудь.

Твое сердце ко всему приставало. И ты хотѣла-бы пѣть въ хорѣ.

Но никто тебя не замѣтилъ и пѣсенъ твоихъ не взяли. И вотъ ты стоишь у колонны.

Не пойду и я съ міромъ. Не хочу. Я лучше останусь съ тобой. Вотъ я возьму твои руки, и буду стоять.

И когда міръ кончится, я все буду стоять съ тобою и никогда не уйду.

Знаешь-ли ты, дѣвушка, что это — «міръ проходитъ», а — не «мы проходимъ». И міръ пройдетъ и прошелъ уже. А мы съ тобой будемъ вѣчно стоять.

Потому-что справедливость съ нами. А міръ во-истину не-

Что-то такое случилось

Есть въ мірѣ какое-то недоразумѣніе, которое можетъ быть неясно и самому Богу. Въ сотвореніи его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. И отсюда собственно иррационализмъ, мистика (дурная часть мистики) и неясность. Міръ гармониченъ, и это — «конечно». Мудръ, благъ и красивъ, и это — Божіе. Но «хищныя питаются травоядными» — и это ужъ не Божіе. Сова пожираетъ зайченка — тутъ пѣть Бога. Бога, гармоніи и добра.

Что такое произошло — этого отъ начала міра никто не знаетъ, и этого не знаетъ и не понимаетъ Самъ Богъ. Борются или побѣдить — это тоже безуменъ Самъ Богъ. Такъ «я хочу родить мальчика красиваго и мудраго», а рождается «о 6-ти пальцахъ», съ при-

дурью и непредвидѣнными пороками». Такъ и планета наша. Какъ будто она испугана была чѣмъ-то в беременности своей, и родила «не по мысли Божіей», а «нѣсколько иначе». И вотъ «божественное» смѣшалось съ «иначе»...

И передъ этимъ «иначе» покоренъ и Богъ. Какъ тоскующій отецъ, который смотритъ на малютку съ «иначе», и хочетъ поправить и не можетъ поправить. И любить «уже все вмѣстѣ»...

Зачѣмъ они звонять ?

Бомъ. Бомъ. Бомъ. Но уже звукъ пустой.

И отъ того, что подъ колоколомъ пѣть вѣнчанія невѣсты и жениха. Тотъ, *другой* — не помогъ. А *этотъ*, который все-таки помогаль по мелочамъ, — немного, но помогаль, — немного, но старался, по земному и глупо, но встали старался — уславъ далече.

И не вздохнула невѣста по женихѣ. И я увидѣль, что она горбатая.

Эхъ, не горбать вотъ жидъ; написалъ въ мартѣ:

«... Напишите, какъ вы умѣете писать, — *правдиво и страстно*, — мнѣ о «мартовскихъ» дняхъ. Тутъ зима, — и лютая, — весны еще нѣтъ. Весь этотъ гулъ и шумъ противень моей душѣ. Въ санаторіи уже умерло 4 воина. Смерть сильнѣе всего на этой планетѣ. Есть-ли душа? Есть-ли загробная жизнь? Вотъ это важнѣе всѣхъ революцій! Жаль царя Николая. Догадываюсь, что онъ былъ человекъ мягкаго характера и безвольный очень. *Все, все* — пройдетъ, но что будетъ «тамъ»? Вамъ 61 годъ, вы много думали, страдали, — скажите мнѣ вы, дорогой душевный другъ. Лейзеръ Шапманъ.

Санаторій «Дергачи», Харьковской губерніи и уѣзда. Всероссийскаго Земскаго Союза. № 11 (туберкулезный). (Лично мнѣ не знакомъ).

Д ѣ д ѣ

Когда не хочется больше любить, не ждется одежда, и кушаешь кашку-размазю съ кой-какимъ масломъ, — то и называетъ себя естественно «христианиномъ».

Лысый, съ бѣлой бородою,

Дѣдушка сидитъ.

Чашка съ хлѣбомъ и водою

Передъ нимъ стоитъ.

— Кто ты, дѣдушка?

— Хрестьянинъ... хрестьянинъ...

Или, какъ Достоевскій и софистически и вѣрно перефразировалъ:

— «Христіанинъ».

Боже: къ чему догматики, историки, апологеты нагородили столько ерунды, когда дѣло выражается въ одномъ великомъ:

не надо.

«Москва слезамъ не вѣрять»

— и дѣлаетъ очень глупо. Отъ того она бѣдна. Нужно именно *стырить*, и — не слезамъ, а — вообще, всегда, до тѣхъ поръ, пока получилъ обманъ: финикіяне въ незапамятную древность, въ началѣ исторіи, приучились вѣрять, и образовали простую бумажку, знакъ особый, который писали, дѣлали, и т. д. Онъ былъ условенъ: и кто давалъ его — получалъ «довѣріе», и это называлось — *кредитомъ*. Заведшіе это, «довѣрчивые» люди, но опредѣленно довѣрчивые, и вмѣстѣ — не по болтовнѣ или «дружеской бесѣдѣ», а — дѣловымъ образомъ и для облегченія жизни, стали первыми въ мірѣ по богатству. Не чета русскимъ. Которые даже въ столь позднее время — все вищаютъ, обманываютъ, и — тѣмъ все болѣе и болѣе раззоряются.

Долгъ платежемъ красенъ

— и русскіе выполняютъ и не могутъ не выполнить этого, насколько это установили финикіяне (вексель)... Но рѣшительно вездѣ, гдѣ могутъ, — стараются жить на счетъ другъ друга, обманываютъ, сутенерничаютъ. И думая о счастьѣ — впадаютъ все въ большее и большее несчастье.

Объ одномъ народцѣ

Имя были даны чудныя пѣсни всѣмъ людямъ. И сказанія его о своей жизни — какъ никакія. И имя его было священно, какъ и судьбы его — тоже священны для всѣхъ народовъ.

Потомъ что-то случилось... О, что-же, что-же случилось?...

Нользя понять...

Ни одинъ народъ не можетъ. Никто изъ человѣчества...

Ни мудрецъ, ни ученый, ни историкъ.

И сталь онъ поругаемымъ народомъ, имя котораго обозначаетъ хулу. И имя котораго, національное имя, стало у cadaго племени ругательнымъ названіемъ всякаго челоѣка, къ кому оно приложится въ этомъ чужомъ племени.

О, что-же случилось?...?...

Больше, больше: будем-ли мы читать «Лѣтопись Тацита» — когда томимся? Или — Геродота о скивахъ и Вавилонахъ? Будем-ли читать о Пелопонезской войнѣ — Фукидида? Нѣтъ, нѣтъ: когда *въ томлени души* — то какъ все это чуждо и посторонне... Все это мы изучали-бы, только чтобы прочесть лекцію, написать учебный трудъ, и -- «такъ, отъ нѣкотораго бездѣлья».

Но вотъ — юная вдова, подбирающая колосья пшеницы на полѣ богатаго землевладѣльца: и то, *какъ она это дѣлаетъ*, — и слова ея своей свекрови, — проливаютъ въ душу утѣшенія. И много еще...

Народъ этотъ пролилъ утѣшеніе во всѣ сердца.

И все-таки онъ проклятъ. Что-же случилось, — о, что такое, особенное????...

*
*
*

Сказать: «*утѣшеніе*» — и это сказать *все* о томъ народѣ. Читаемъ-ли мы хронику о Меровингахъ у Григорія Турскаго, или изящные очерки Августина Гьери, написанные по канвѣ этой хроники, — мы въ обоихъ случаяхъ читаемъ милое, граціозное, прелестное. Но это чтеніе даетъ только наслажденіе вкусу, душа-же остается если не холодною, то спокойною. По вотъ мы читаемъ о войнѣ, о грозѣ: одинъ царь — побѣдитель, другой — побѣжденъ. Побѣжденный боится за жизнь свою, обыкновенно боится — какъ боялся-бы каждый человекъ, и ищетъ потаенной комнаты во дворцѣ своемъ. Побѣдитель спрашиваетъ о врагѣ своемъ, и ему приближенные передаютъ о всемъ униженіи и страхѣ, въ какомъ тотъ находится. Вдругъ побѣдитель отвѣчаетъ вовсе не тѣмъ гордымъ, самоувѣреннымъ тономъ, какой такъ естествененъ въ самоуноеніи побѣды, и какимъ въ самоуноеніи побѣды говорили *все* цари и полководцы, а — совсѣмъ инымъ, новымъ, неожиданнымъ:

«Зачѣмъ онъ обижать отъ меня? Онъ — *братъ мой*».

Кто въ исторіяхъ Ассиріи видать, какъ со связанными за спиною руками плѣнникъ стоитъ передъ побѣдившимъ царемъ на колѣняхъ, а ассирійскій царь, поднявъ копьё, выкалываетъ ему глаза, и вмѣстѣ приметъ во вниманіе, что переименованіе «врага» въ «брата-своего» произошло въ ту же самую эпоху, тотъ оцѣнитъ *всю разницу* въ душевномъ строѣ одного и другого. И пойметъ, почему я упорно называю «утѣшеніемъ» то особое чувство, какое льется на душу читателя отъ исторіи этого единственнаго народа.

И онъ — проклятъ.

Но тогда что-же случилось, почему мы также ненавидимъ этотъ народецъ, какъ ассиріяне ненавидѣли своихъ враговъ. И, оглядываясь на цивилизацію нашу, не подумаемъ-ли о ней съ печально-строкою, сказанныхъ Алексѣемъ Толстымъ:

Ассиріяне или какъ на стадо волки,

Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,

И безъ счета ихъ копья сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрь зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангель смерти лишь на-вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ расширившій ноздри, повергнутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,
И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый во прахъ,
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищеть конь и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачь на весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ Творца!

И вотъ народъ, который всемірно былъ утѣшителемъ всѣхъ скорбныхъ, утомленныхъ, нуждающихся въ свѣтѣ душъ, — теперь во тьмѣ, и не только самъ безъ утѣшенія но пинаемъ и распинаемъ... Что-же, что такое случилось? Явно — случилось въ планетѣ и въ судьбахъ человѣчества?

Ежедневность

Булочки, булочки...
Хлѣба пшеничнаго...
Мясца-бы немного...

**
*

Это ужасное замерзаніе ночью. Страшныя мысли приходятъ. Есть что-то враждебное въ стихіи «холода» — организму человѣческому, какъ организму «теплокровному». Онъ боится холода, и какъ-то душевно боится, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жестокою, какъ «гусиная кожа на холоду». Вотъ

вамъ и «свобода человѣческой личности». Нѣтъ, «душа свободна» — только если «въ комнатѣ тепло натоплено». Безъ этого она не свободна, а боится, напугана и груба.

**

Впечатлѣнія ѣды теперь главныя. И я замѣтилъ, что, къ позору, и господа и прислуга это равно замѣчаютъ. И уже не стыдится бѣдный человѣкъ, и уже не стыдится горькій человѣкъ. Проѣхавъ на дняхъ въ Москву, прошелся по Ярославскому вокзалу, съ грубымъ желаніемъ видѣть, что ѣдятъ. Провожавшая меня дочь сидѣла грустно, уткнувшись носикомъ въ муфту. Одинъ солдатъ, вывернувъ изъ тряпки огромный батонъ (витый хлѣбъ пшеничный), разломилъ его широкимъ разломомъ и началъ ѣсть, даже не понюхавъ. Между тѣмъ пахучесть хлѣба, какъ еще пахучесть мяса во щахъ, есть что-то безмѣрно неизмѣримѣе самаго питанія. О, я понимаю, что въ жертвенникѣ Соломонова храма были сдѣланы *ноздри* и сказано, — *о Боги сказано*, — что онъ «вдыхаетъ туки своихъ жертвъ».

С о л н ц е

Заботится-ли солнце о землѣ?

Не изъ чего не видно: оно его «притягиваетъ прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній».

Такимъ образомъ 1-ый отвѣтъ о солнцѣ и о землѣ Коперника былъ глупъ.

Просто — глупъ.

Онъ «сосчиталъ». Но «счесть» въ примѣненіи къ нравственному явленію я нахожу просто глупымъ.

Онъ просто отвѣтилъ глупо, негодно.

Съ этого глупаго отвѣта Коперника на нравственный вопросъ о планетѣ и о солнцѣ началась пошлость планеты и опустошеніе Небесъ.

«Конечно, — земля не имѣетъ объ себѣ заботы солнца, а только притягивается по кубамъ разстояній».

Тьфу.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1. Правда и кривда.
2. Изъ таинствъ Христовыхъ.
3. Сынъ.
4. Солнце.

Правда и Кривда

«Безъ *истиннаго* человекѣ не проживеть, а безъ *святаго* — слишкомъ проживеть». Это-то и составляетъ самую, самую главную часть а-космичности христіанства.

Не только: «читаю-ли я Евангеліе съ начала къ концу, или отъ конца къ началу», я совершенно ничего не понимаю:

какъ міръ устроенъ? и — почему?

Такъ-что Іисусъ Христосъ ужъ никакъ не научилъ насъ міро-зданію; но и сверхъ этого и главнымъ образомъ: «дѣла плоти» онъ объявилъ грѣшными, а «дѣла духа» праведными. Я-же думаю, что «дѣла плоти» суть главное, а «дѣла духа» — такъ, одни разговоры.

«Дѣла плоти» и суть космогонія, а «дѣла духа» приблизительно выдумка.

И Христосъ, занявшись «дѣлами духа» — занялся чѣмъ-то въ мірѣ побочнымъ, второстепеннымъ, дробнымъ, частнымъ. Онъ взялъ себѣ «обстоятельства образа дѣйствія», а не самый «образъ дѣйствія», — т. е. взялъ онъ не *сказуемое* того предложенія, которое составляетъ всемірную исторію и человѣческую жизнь, а — только одни *обстоятельственыя, итинесыя, штриховыя* слова.

«Сказуемое» — это ѣда, питье, совокупленіе. О всемъ этомъ Іисусъ сказалъ, что — «грѣшно», и — что «дѣла плоти соблазняютъ васъ». Но если-бы «не соблазняли» — человекъ и человѣчество умерли-бы. А какъ «слава Богу — соблазняютъ», то — тоже «слава Богу» — человѣчество продолжаетъ жить.

Позвольте: что за «слава Богу», если человекъ (человѣчество) умеръ?

Какъ-же онъ могъ сказать: «Азъ есмь путь и жизнь»? Ничего подобнаго. Ничего даже приблизительнонаго. «Обстоятельственыя слова».

Напротивъ, отчего есть «звѣзды и красота» — это понятно уже изъ насажденія рая человекомъ. Уже *онъ* — прекрасенъ, и это есть

утренняя звезда. Я хочу сказать, что «утреннюю звезду» Богъ далъ человѣку въ рай: и тайнымъ созданиемъ Эдема онъ выразилъ и вообще весь планъ сотворенія чего-то изумительнаго, великолѣпнаго, единственнаго, неповторимаго. Все къ этому рвется: «лучше», «лучше», «лучше». Есть мѣры и измѣримость: Богъ какъ-бы изрекъ — «Я — безмѣрный, и все сотворенное мною рвется къ безмѣрности, безконечности, нескончаемости». А, это понятно. «Тамъ онигсь и камень бдолахъ» (о раѣ). Напротивъ, когда мы читаемъ Евангеліе, то что-же мы понимаемъ въ безмѣрности? Да и не въ одной безмѣрности: мы вообще — ровно ничего не понимаемъ въ мѣрѣ.

«И вотъ, на небѣ великое знаменіе — жена облеченная въ солнце; подъ ногами ея — луна; и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ»
«Она имѣла во чревѣ и кричала отъ мукъ рожденія».

(Апокалипсисъ, 12).

Тутъ мы понимаемъ, что роды, именно, человѣческіе роды, лежатъ въ центрѣ космогоніи.

Библия — нескончаемость.

«Иисусъ-же сказалъ: «Есть скопцы, которые изъ чрева матернаго родились тако; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сами сдѣлали себя скопцами ради Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить это да вмѣсти».

(Евангеліе отъ Маттея, 19).

Тутъ мы совершенно ничего не понимаемъ, кромѣ того, что это — не нужно.

Евангеліе — тушикъ.

Теперь: «грѣхъ» и «святость», «космическое» и «космичность»: мнѣ кажется, что если уже гдѣ можетъ заключаться «святое», «святость» — то это въ «сказуемомъ» міра, а не «въ обстоятельствахъ образа дѣйствія». Что за эстетизмъ. Поразительно великолѣпнѣе Евангелія: говори о «дѣлахъ духа» въ противоположность «дѣламъ плоти» — Христосъ черезъ это именно показалъ, что «Азъ и Отецъ — не одно». «Отецъ» — такъ Онъ и отецъ: посмотрите Ветхій Завѣтъ, — чего-чего тамъ нѣтъ. Отецъ не пренебрегаетъ самаго мѣлкимъ въ болѣзняхъ дитяти, даже въ капризахъ и своеволіи его: и вотъ *тамъ*, въ Ветхомъ Завѣтѣ, мы находимъ «вѣдическое». Всѣ страсти кипятъ, никакіе случаи и исключительности — не обходятъ. «Отецъ» беретъ свое дитя въ руки, моетъ и очищаетъ его сухимъ и мокрымъ, отъ кака грязнаго и мокраго. Посмотрите о леченіи болѣзней, парши, коросты. Въ пустынѣ Онъ идетъ надъ ними *тѣнью* — днемъ (облако, зной), и столбомъ огненнымъ — ночью *освѣщаетъ тѣнь*. Похитили золотыя вещи у египтянъ, и это не скрыто; но такъ естественно, такъ просто: вѣдь они работали на нихъ въ работѣ, работали — безплатно. Этими таинственнымъ и глубокимъ познаниемъ о человѣкѣ, какимъ-то вутающимъ и целе-

нающимъ. — отличается «отцовскій завѣтъ» отъ сыновняго.

Сынъ — именно «не одно» съ Отцомъ. Пути Физиологіи суть пути космическіе, — и «роды женщины» поставлены впереди «солнца, луны и звѣзды». Тутъ тоже есть *объясненіе*, чего абсолютно лишено Евангеліе. Дѣйствительно: тутъ показано, въ видѣніи Апокалипсиса, что и луна, и звѣзды, и солнце — все для облегченія «родовъ». *Жизнь поставлена выше всего*. И именно — жизнь человѣка. Пирамида ясна въ основаніи и завершеніи. Евангеліе оканчивается скопчествомъ, тушикомъ. «Не надо». Не надо — самыхъ родовъ. Тогда для чего-же солнце, луна и звѣзды? Евангеліе со страннымъ эстетизмомъ отвѣчаетъ — «для украшенія». Въ производствѣ жизни — этого не нужно. Какъ «солнце, луна и звѣзды» явились не для чего въ сущности, такъ и роды — есть «не нужное» для Евангелія, и мѣръ совершенно обезсмысливается. «Все понятно» — въ Библии, «ничего не понятно» — въ Евангеліи.

И вотъ — Престоль Апокалипсиса, посреди коего сидятъ животныя. Что за представленіе небесъ? Но развѣ роды коровы ниже чѣмъ-нибудь родовъ женщины? Это — «пути Божіи». Въ «оправданіи всего» Апокалипсиса — именно и лежитъ оправданіе Божеское, оправданіе Отцовское, и съ болячками, и съ коростами, и съ поносами, и съ запорами дитяти-человѣка. Какъ чудно! О, какъ хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они въ болѣзни и въ исцѣленіи. Апокалипсисъ изрекаетъ какъ-бы правду Вселенной, правду *цѣлаго* — вопреки *узенькой* «евангельской правды», которая страннымъ образомъ сводится не къ богатству, радости и полнотѣ міра, а къ точкѣ, молчанію и небытію скопчества. Воистину — «поколебались основанія земли». Христосъ пришелъ таинственнымъ образомъ «поколебать все основанія» сотворенной «будто-бы Отцемъ Его» Вселенной. И что Коперникъ на вопросъ о солнцѣ и землѣ началъ говорить, что они дѣйствуютъ «по кубамъ разстояній», — то это совершенно христіанскій отвѣтъ. Это — именно «обстоятельство образа дѣйствія». А «для чего они дѣйствуютъ» — это и не вѣдомо, и не интересно.

Таинственнымъ образомъ христіанство начало обходить «пустынями». На вопросъ о землѣ и лунѣ оно отвѣтило «кубами разстояній», а на вопросъ о гусеницѣ, куколкѣ и мотылкѣ оно отвѣтило еще хуже: что такъ «бываетъ». «Наука христіанская» стала сводиться къ чепухѣ, къ позитивному и бессмыслицѣ. «Видѣлъ, слышалъ, но не понимаю». «Смотрю, но ничего не разумѣю» и даже «ничего не думаю». Гусеница, куколка и мотылекъ имѣютъ объясненіе, но не фзіологическое, а именно — космогоническое. Фзіологически — они не объяснимы; они именно — *неизъяснимы*. Между тѣмъ космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, рѣшительно все живое, что приобщается жизни, гробу и воскресенію.

Въ фазахъ насѣкомаго даны фазы міровой жизни. Гусеница: — «мы ползаемъ, жремъ, тусклы и недвижимы». — «Куколка»

— это гробъ и смерть, гробъ и прозябаніе, гробъ и общаніе. — Мотылекъ — это «душа», погруженная въ міровой эфиръ, летающая, знающая только солнце, нектаръ, и — никакъ не питающаяся, кромѣ какъ изъ огромныхъ цвѣточныхъ чашечекъ. Христосъ-же сказалъ: «въ будущей жизни уже не посягаютъ, не женятся». Но «мотылекъ» есть «будущая жизнь» гусеницы, и въ ней не только «женятся», но — наоборотъ Евангелію — при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобіи смерти въ куколкѣ, — бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! — не только хоботокъ ея вовсе не приспособленъ для ѣды, но у нея нѣтъ и кишечника, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ!!), страннымъ образомъ — она имѣетъ отношеніе *единственно къ половымъ органамъ «чуждыхъ собѣ существъ»*, приблизительно — именно Дерева жизни: растений, непонятныхъ, загадочныхъ. Это что-то, передъ всякой бабочкою, — неизмѣримое, огромное. Это — лѣсъ, садъ. Что же это значить? Таинственнымъ образомъ жизнь бабочки указываетъ или предвѣщаетъ намъ, что и души наши послѣ гроба - куколки — будутъ получать отъ нектара двухъ или обоихъ божествъ. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная отъ *Элогимъ* (двойственное число Имени Божія, употребленное въ рассказѣ Библии о сотвореніи міра), а не отъ *Элоахъ* (единственное число); что божество — два, а не одно: «по образу и по подобію которыхъ — мужемъ и женою сотворилъ Богъ и человека».

Мотылекъ — душа гусеницы. Сол — душа, безъ приходящаго. Но это показываетъ, что «душа» — не нематеріальна. Она — осязаема, видима, *есть*; но только — *иначе, чѣмъ въ земномъ существованіи*. Но что-же это и какъ? Ахъ, наши сны и сновидѣнія иногда реальнѣе бодрствованія. Гусеница и бабочка показываютъ, что на землѣ мы — только «жремъ»; а что «тамъ» будетъ все — полетъ, движеніе, камедь, мирра и фиміамъ.

Загробная жизнь вся будетъ состоять изъ свѣта и пахучести. Но именно — того, что опутимо, что физически — пахуче, что плотски, а не безплотно — издаетъ запахъ. Не безъ улыбки можно отвѣтить о «соблазнахъ міра сего», что въ нихъ-то и «течь», какъ-бы истекаетъ изъ души вещей, изъ энтелехій вещей — уже теперь «жизнь будущаго вѣка», и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболѣе прекрасная и «небесная», именно и прекрасна отъ очертацій губъ, рта и носа. «Что за уродъ, въ комъ нѣтъ носа и губъ», или есть въ нихъ поврежденіе, и даже просто — некрасивая линія. Апокалипсическое въ насъ — улыбка. Улыбка — всего апокалипсичнѣе.

Радость, ты — *искра небесъ, ты божественна,*
Дочь *елисейскихъ полей...*

Это — не аллегорія, это — реальная, точнѣе — это номенальная правда. «Хорошо соблазняться» и «хорошо быть соблазняемымъ». Хорошо, «черезъ кого — соблазнить входитъ въ міръ»: онъ вноситъ

край неба на плосковатую землю. Загадочно, что въ Евангеліи ни разу не названо ни одного запаха, ничего — пахучаго, ароматнаго; какъ-бы подчеркнуто расхожденіе съ цвѣткомъ Библии — «Пѣсню пѣсней», эту пѣсню, о которой одинъ старецъ Востока выговорилъ, что «все стояніе міра не достойно того дня, въ который была создана *«Пѣсня пѣсней»*. И вотъ, Евангеліе такимъ образомъ представляетъ «эту» и «будущую жизнь» совсѣмъ наоборотъ: «пути»-то жизни, насколько они *физиологическіе пути*, и есть *главное и небесное* (Престолье Апокалипсиса); это есть «подлежащее», которое «оправдалось».

А тотъ «путь жизни», «жизнь духа — есть «обстоятельственный путь», проводимый въ праздности, эстетикѣ и разговорахъ...

И долго на свѣтъ томилась она

это — земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая.....

Желаніемъ чуднымъ полна

это — мотылекъ, бабочка, утопающая въ эфирѣ, въ солнечныхъ лучахъ. Того самаго Солнца, которое «и со звѣздами и съ луною» — только «окружать роды женщины».

И пѣсню любви замкнуть не могли

Ей скупили пѣсни земли.

И — никакого «ада и скрежета зубоваго» тамъ, а — собраніе нектара съ цвѣтовъ. За муки, за грязь и соръ и «землеѣденіе» гусеницы, за гробъ и подобіе, — но только *подобіе смерти* въ куколкѣ, — душа возстанетъ изъ гроба; и переживетъ, каждая душа переживетъ, и грѣшная и безгрѣшная, свою невыразимую «пѣсню пѣсней». Будетъ дано каждому человѣку по душѣ этого человѣка и по желанію этого человѣка. Аминь.

ИЗЪ ТАИНСТВЪ ХРИСТОВЫХЪ

«Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда....»

Какъ это сказано... О, какъ сказано... И чудятся какія-то дѣйствительно страшныя тайны за сказавшимъ такъ, или, особенно, за увидѣвшимъ что-то.

СЫНЪ

Чтобы сынъ родился — нужно допустить какой-то недостатокъ въ отцѣ. Отецъ — это такъ *полно*. Отецъ — это *все*. Отецъ — это Солнце и душа и правда солнца. Вездѣ лучи Его до концовъ Вселенной. Отецъ и — *кожнено*.

Что-же значить, что *Сынъ родился*? Только если Отецъ въ чемъ-то *не*дотворилъ? Или, можетъ быть, онъ не научилъ или не доучилъ? Но и «нравственный законъ» онъ уже принесть (на Синаѣ). Вовсе не одно сотвореніе «глыбъ», «солнца и луны», я «сѣнта» и «ночи». Что-же? Какъ-же?

Нельзя понять иначе, какъ заподозривъ Отца въ *недостаткъ* и полнотѣ. «Отецъ — это еще *не все* и *не конецъ*».

Ну, тогда понадобился и Сынъ.

С о л н ц е

Живетъ-ли Солнце?

Вотъ самое загадочное, — и даже единственно загадочное, — о немъ.

Всѣ рѣшительно ученые, до одинаго всѣ, отъ Лапласа до гимназиста, убѣждены, что оно «конечно не живетъ»; что оно есть «предметъ»....

Но почему не гаснетъ? — «Погаснетъ». Но вѣдь времени было довольно, чтобы погаснуть. Довольно-ли?? О, кажется....

«Отъ него жизнь на землѣ». Отъ *него-ли*? Повидимому. Живое отъ механическаго? Странно. «Да. Но такъ учать атомы». «Они всѣ стучать».

Ну, а если оно «живетъ»? Тогда 1-ая мысль кидается къ Христу. «Значить, Ты — не Богъ». Странно.

«Солнце живетъ». Допустимъ эту гипотезу. Допустимъ не какъ фразъ, а какъ дѣйствительность. Но какъ-же оно живетъ? «Въ такомъ нтъ»? — Въ такомъ огнѣ прекращается жизнь. И, если-бы такъ, то значило-бы, что для «жизни» предѣловъ температуры нтъ.

Странно.

Нтъ, повидимому — «не живетъ». «При такой горячности — все скипять, сварится». Имѣетъ ли оно душу — вотъ вопросъ. «Что будетъ съ душой при очень высокой *t*»?

Невѣдомо.

Почему планеты движутся около солнца? Почему не «стоятъ» около солнца? «Тогда-бы упали». Ну, и «упали» — ничего. «Мала куча».

Все-же въ «движеніяхъ планетъ» и въ самомъ «солнцѣ» наука ничего не понимаетъ. даже раз-наука. И Лапласъ понимаетъ столько-же, сколько гимназистъ.

Да, еще: что заключается внутри чего, солнечная система заключается внутри Евангелія, или Евангеліе заключается внутри солнечной системы?

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

1. Немножко и радости. 2. Опасная категорія. 3. Огонь Христовъ. 4. Гайны міра. 5. Испушеніе въ пустынь. 6. Солнце. 7. Religio. 8. Туфли.

Немножко и радости

«Прїидите володѣть и княжити нами. Земля-бо наша велика и обильна, а паряда въ ней нѣтъ».

Несторова льтопись.

«Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя».

Тютчевъ.

Удивительное сходство съ евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрѣли, а славянофилы не догадались, что это вовсе не «отреченіе отъ власти» народа, до такой степени ужъ будто-бы смиреннаго, а — *неумѣлость* власти, *недаровитость* къ ней, или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный даръ жить улицею, околodочкомъ, и — не болѣе, не грѣшнѣе.

«Съ насъ довольно и сплетень, да кумовства».

Ей-ей, подъ пѣмцами намъ будетъ лучше. Нѣмцы наведутъ у насъ порядокъ, — «какъ въ Ригѣ». Устроятъ полицію, департаменты. Согласимся, что вѣдь это было у насъ всегда скверно и глупо. Министерію заведутъ. Не будутъ брать взятокъ, — наконецъ-то... и о чемъ мы выли, начиная отъ Сумарокова, и дошли до самаго Щедрина..... «Бо паряда — нѣтъ». Ну ихъ къ черту, болвановъ. Да, еще: наконецъ-то, наконецъ нѣмцы научатъ насъ русскому патриотизму, какъ дѣлали ихъ превосходные Вигель и Даль. Но такихъ было только двое и что-же могли они?

Мы-же овладѣемъ ихъ душою такъ преданно и горячо, какъ душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоковъ) и Гильфердинга. Вѣдь ни одинъ русскій душою въ пѣмца не передѣлался, потому что они во-истину болваны и почти безъ души. Почему такъ и способны «управлять».

Покореніе Россіи Германією будетъ, на самомъ дѣлѣ и внутренно и духовно, — покореніе Германіи Россією. Мы наконецъ изъ нихъ, — изъ лучшихъ ихъ, — сдѣлаемъ что-то похожее на чело-вѣка, а не на шталмейстера. А то за «шталмейстерами» и «гофмейстерами» они лицо человѣческое потеряли.

Мы научимъ ихъ танцевать, музыканить и пѣть пѣсни. Можетъ быть даже научимъ молиться. Они за это будутъ намъ рыть руду, т. е. пойдутъ въ каторгу, будутъ пахать землю, т. е. станутъ мужиками, работать на станкахъ, т. е. сдѣлаются рабочими. И будутъ заниматься аптеками, чѣмъ и до сихъ поръ ни одинъ русскій не занимался. «Не призваніе». Будутъ изготовлять намъ «французскіе горчишники», тоже — какъ до сихъ поръ.

Мы дадимъ имъ пророковъ, попытаемся дать имъ понятіе о святости, — что едва-ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучимъ говорить, пѣть пѣсни и сказывать сказки.

Въ тайнѣ вещей мы будемъ ихъ господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными намъ. Они будутъ намъ служить. Матерьяльно служить. А мы будемъ ихъ духовно воспитывать. Ибо и нигилизмъ нашъ тогда пройдетъ. Нигилизмъ есть отчаяніе чело-вѣка о неспособности дѣлать дѣло, къ какому онъ вовсе не призванъ.

Мы, какъ и евреи, призваны къ идеямъ и чувствамъ, молитвѣ и музыкѣ, но не къ господству. Овла-дѣли-же къ несчастью и къ пагубѣ души и тѣла 1/6-ю частью суши. И, овла-дѣвъ, въ сущности испортили 1/6 часть суши. Планета не вытерпѣла и перевернула все. Планета, а не германцы.

Опасная категорія

Обаятельный, обольстительный, лукавый.

Удивительно, что къ категоріи «лукавства», — вотъ этого особеннаго и особой глубины грѣха, — не ведутъ вообще никакія порочныя ступени, кромѣ какъ если ступить на первую:

— Обаятель.....

— Что такое? Какъ? Почему?

— Обаятель, — потому-что не подлежитъ укору, не представляетъ порока и пороковъ, и всѣхъ «обаяетъ», съ перваго-же взгляда, какъ только кто увидитъ или услышитъ его.

— Обольститель, потому-что въ силу качества непорочности и красоты всѣ идутъ за нимъ.

Но вотъ странно: какъ-же изъ непорочности и красоты можетъ вдругъ выдти третье? Это совершенно не натурально. Но однако, глазъ людской, обыкновенный и, такъ сказать нетенденціозный, вдругъ замѣтилъ, что опасная категорія именно и начинается съ двухъ качествъ.

— Обаятельности, обольстительности.

Поэтому-бы, — «по предреченіямъ», — надо быть особенно осторожнымъ, если вдругъ увидимъ человѣка особенно, исключительно невиннаго, чистаго, непорочнаго.

— Обаятельнаго.

Въ этомъ отношеніи хорошо-бы поставить зарокъ, въ виду именно предупрежденій:

— Пусть будетъ хоть маленькій порокъ. Почти — невинный, но — однако недостатокъ. Величайшій изъ древнихъ, коего люди могли счесть «Богомъ», — и даже дѣйствительно начали было «искать его могилу какъ Бога», и не могли найти, — что человѣкъ этотъ былъ — говоря славянскимъ словомъ, — «гуннивъ». Т. е. онъ былъ косноязыченъ, заикался. «Спасъ народъ Божій отъ рабства» и далъ всѣ (всѣ!!!) законы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ ни болѣе, ни менѣе какъ заикой. Качество — прямо смѣшное. Но качество невинно. И вотъ, по этому соединенію «невиннаго и смѣшнаго». — мы узнаемъ Божію книгу и узнаемъ Божіе событіе.

Въ самомъ дѣлѣ: отъ событія и отъ книги никакого «худого послѣдствія» не произошло. Нужно замѣтить, что «лукавое» начинается узнаваться по «*послѣдствіямъ*».

Ибо прямо-то вѣдь какъ узнать: «обаятеленъ» и «обольщаетъ».

Огонь Христовъ

Гдѣ обожжетъ огонь Христовъ..

Но — по настоящему обожжетъ...

Тамъ уже никогда ничего не вырастетъ.

Вотъ — и градъ Салима (Соломона).

И — судьба Іудей.

И Павелъ, просившій распять его «не какъ нашего Господа: но головою книзу», дабы «голова его была тамъ, гдѣ ноги его возлюбленнаго Учителя».

И — наши скопцы.

Объ этомъ-то и догадались впервые іезуиты.

Сказавшіе: «не увлекайтесь очень». И начавшіе торговать въ Парагваѣ.

Тайны міра

Ты одинъ прекрасенъ, Господи Іисусе! И похулилъ міръ красотою своею. А вѣдь міръ-то — Божій.

Зачѣмъ-же Ты сказалъ: «я и Отецъ — *одно*? Вы не только «одно», а ты — *идешь на Него*. И сдѣлалъ, что Сатурнъ съ Ураномъ.

Ты осконилъ Его. И только чтобы осконить — и пришелъ. Вотъ! вотъ! вотъ! — наконецъ-то разгадка словъ о скопечствѣ. И что въ

Евангелии уже не «любят», а живут как «Ангелы Божии»: как въ плавняхъ при-Дибровскихъ, «со свѣчками и закопавшись». О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасенъ. Ты — не простой, а именно — ужасенъ. И Ты воскресъ, — о, я вѣрю! «Егда вознесусь — всѣхъ привлеку къ себѣ».

Но, — чѣмъ?

О, ты не другъ человѣковъ. Нѣтъ, не другъ. «Договоръ», «завѣтъ» (о «ветхомъ»), и это кажется формально и сухо. Но какъ Ты ихъ ужасно угнелъ, до послѣдняго рабства. Понятнѣ — «рабы Господни»... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясаетъ-ли: «ни единый мученикъ не былъ пощаженъ». А вѣдь могъ-бы?...

Могъ-ли?

О, ...

Конечно, кто воскресилъ Лазаря — могъ. Значить — не заотмѣль..? О, о, о, ...

Ты все могъ, Господи Иисусе. Ты, «потряснѣи небо и землю».

И не избавившій даже дѣтей на отъ муки небесной, ни отъ муки земной.

Рабы, рабы... Да, «договоръ» — онъ «святъ» — «Ты — мнѣ, какъ я тебѣ». Ты-же далъ все униженіе и взялъ себѣ. всю славу. И вотъ, неужели Ты не понимаешь, почему на Тебя возсталъ праведный Израиль. Онъ возсталъ — не понимая. «Что-то — не то». Что — «не то»? Да похуливъ созданіе Божіе, Ты болѣе всего похулилъ, — похулилъ особенно и страшно, — «отрока Иеговы». И онъ, не понимая, «что» и «за что», — возсталъ на Тебя.

Вотъ разгадка, вотъ разгадка, вотъ разгадка.

Ну, слушай: очень хороши «лиліи полевая». Но вѣдь не хуже и «человѣкъ»? Что-же Ты его все гвоздилъ «грѣхомъ»? И испугалъ муками? «Тамъ будетъ огонь неугасимый» и «скрежетъ зубовный». Очень мило.

Вообще, все очень мило въ Твоемъ созданіи, по-истинѣ — особомъ созданіи, особомъ «отъ Отца». Люди болѣе не посягаютъ, не любятъ, не множатся. А всѣ слушаютъ Тебя, какъ эта бѣдная Марія.

О, бѣдная, бѣдная... Да ужъ не мученица она «потомъ», которую Ты тоже забылъ въ небесномъ величїи.

Искушеніе въ пустынѣ

Чтобы быть «безъ грѣха» — Христу и надо было удалиться отъ міра... Оставить міръ... Т. е. обезсилить міръ.

«Силушка» — она грѣшна. Безъ «силушки» — что подѣлаешь? И надо было выбирать или «дѣло», или — «безгрѣшность».

Христосъ выбралъ безгрѣшность. Въ томъ и смыслъ искушенія въ пустынѣ. «И дамъ тебѣ всѣ царства міра». Онъ не-взялъ. Но

тогда какъ-же онъ спасъ міръ? Не — дѣланіемъ. «Уходите и вы въ пустыню».

Не нужно царствъ... Не нужно міра. Не нужно вообще «ничего»... Нигилизмъ. Ахъ, такъ вотъ *иди корень его*. «Міръ безъ начинки»... Пирогъ безъ начинки. «Вкусно-ли»? Но, дѣйствительно: Христомъ вывалена вся начинка изъ пирога и то называется «христіанствомъ».

С о л н ц е

Говорятъ: «Нѣтъ вѣчнаго *perpetuum mobile* ». Доказываютъ. Наука.

Свинья, роющая носомъ землю: посмотри вверхъ. Солнце.

Сказать: «солнце *устало*», «теряетъ *энергію*» — безсмыслица. По-истинѣ, оно — *не истощается*, и все какъ-то — живетъ. Вотъ что если «не скучно» — то солнышко... Протуберанцы. Игретъ. Вулканы. «Корона солнечная» (видна въ затменіяхъ). И — эти таинственные «ультрафіолетовые лучи», отъ коихъ, говорятъ, — вся жизнь.

Religio

Р о с т ь

было, есть, *будетъ*.

Почему оно «будетъ-то»?

Потому-что — есть *ростъ*...

Возростаніе, «больше». Въ загадкѣ «больше» лежитъ разгадка «прогресса», «развитія».

Все «развертывается» изъ «точки» въ «окружность». И вотъ міръ изъ «точки» Бога развернулся въ «красоту-мірозданіе».

И гдѣ-же «въ мірѣ» нѣтъ «Бога»? И гдѣ-же «въ Богѣ» — нѣтъ «міра»?

И вотъ они связаны. « Religio »... Молитва. Нѣтъ вещи, которая бы не «молилась», потому-что она — «растетъ». И знаетъ, что «изъ точки» растетъ, изъ — *отцовской точки*.

И нѣтъ Бога не-Покровителя. Это — Провидѣніе. Ибо точка знаетъ свою окружность, какъ курица — порожденныя ею лица, на которыхъ она сидитъ.

Такъ вышли небо, земля и звѣзды. Они «вышли», потому-что міръ есть религія: — не потому, что «въ мірѣ зародилась религія», а совсѣмъ и вовсе наоборотъ, совершенно и вовсе разное: потому-то и вышли «луна, звѣзды, и земля», и «закружилось все — въ небо», что въ тайнѣ и сущности мірозданія — какъ вздохъ и тѣнь — всегда лежала молитва.

Можно сказать, что вздохъ былъ «тѣмъ паромъ», «туманомъ», изъ котораго и вышло «все». Такъ что «все» — естественно и «задышало», когда появилось.

Оно задымало, потому-что появилось изъ «вздоха». Потому, что «вдохъ» — это «Богъ».

Богъ не бытіе. Не Всемогущество. Богъ — «первое вѣяніе», «утро». Изъ котораго все — «потомъ».

Т у ф л и

Неужели-же, неужели всѣ европейцы, — и первые ученые изъ нихъ, и такъ вообще «толпа», воображаютъ объ еврейхъ и объ отношеніи ихъ ко Христу, что это *одно лишь упорство* народа, сдѣлавшаго ошибки, но затѣмъ — ни за что не желающаго *поправиться*, сознать свою *ошибку*? Хотя «теперь-то уже очевидно все превосходство христіанства надъ закономъ Моисеевымъ»? «такимъ *узкимъ* и такимъ *обрядовымъ*?!!» — «Евреи *ошиблись*, не признавъ своими же пророками, предреченнаго Мессію» и просто *въ* одинъ скверный день бытія своего они переменяли туфли, одѣвъ правую ногу въ лѣвую туфлю, а лѣвую ногу въ правую туфлю»? «И вотъ съ тѣхъ поръ такъ и ходятъ, смѣша людей и зляясь посмѣшищемъ исторіи»...

Такова общая *концепція* европейцевъ и Европы объ Іудѣ и юдизмѣ.

Между тѣмъ, неужели европейцамъ не приходитъ на умъ, что «иначе переобувъ туфли» — еврей каждый и единолично содѣлался-бы въ христіанскомъ мірѣ равнозначущъ Апостолу Павлу, и вообще — апостоламъ, которые «всѣ были изъ іудеевъ»? И что это общало-бы и *исполнило* для нихъ обѣтованіе Исаіа: «будетъ время, и народы *понесутъ васъ на плечахъ своихъ*»... И это, т. е. исполненіе обѣтованія, — настало-бы просто «завтра», «завтрашній день».. Неужели же не очевидно, что если власть надъ цѣлымъ міромъ, «которая вотъ въ рукахъ уже», — евреи не берутъ, — если корыстные не берутъ богатства, славолюбивые не берутъ славы, то... то...

Это — отъ того, что взять ее

грѣхъ

О, — такой *особенный* грѣхъ, въ такомъ *исключительномъ* видѣ грѣхъ... И который не простится ни въ жизни *этой*, ни — въ *будущей*. Это уже не воровство, кража, жадность, лѣнь, что мы дѣлаемъ каждый въ норкахъ житія своего, а что-то планетное, космогоническое, страшное. «Переменя *судьбы* своей». «Обмѣнить душу свою на богатства міра и на власть надъ міромъ».

Какъ-же было европейцамъ, и особенно мыслителямъ европейскимъ, подумать не о «туфлѣ и ногѣ», о чемъ-то именно несоизмѣримѣйшемъ... И — не объ *упрямствѣ*, а о томъ: «не *грѣхъ*-ли это въ самомъ дѣлѣ?».

Если-же «грѣхъ признать Іисуса»: то, сверкая молніями сюда,

какъ было не оглянуться: «А, можетъ быть, мы — и *приняли этотъ грѣхъ*».

Вѣдь такъ именно и получено самимъ Христомъ: получена *власть надъ цѣлымъ міромъ*, вопреки видимаго, рассказаннаго въ Евангеліи, отреченія; — *богатства цѣлаго міра*. *Власть надъ Европою*, европейцами, *мыслью ихъ, смысломъ ихъ*.

Вдругъ послѣдній бѣднякъ - еврей отказывается: — «*не надо этого!*» — «*не хочу этого!*»!

Неужели не ясно, что это — не то-же, что «туфля».

Но, когда такъ: то не явно-ли, что скорѣе ужъ мы «*обули не такъ ноги*», — но что вогъ именно мы, по своей дѣйствительно лѣни, по своей засвидѣтельствованной лѣни, лишь держимся этого косо и по традиціи.

ВЫПУСКИ ШЕСТОЙ И СЕДЬМОЙ

1. Переживаніе.
2. Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромъ?
3. Еще о «сынѣ» въ отношеніи «отца».
4. Приказъ № 1.

Переживаніе

Въ Посадѣ мѣра картофеля (августа 12-го 1918 года) — 50 рублей. Услышала отъ старушки Еловой, что въ гор. Александровѣ близъ Посада, мѣра — 6 руб. Спѣшу на вокзалъ справиться, когда въ Александровъ отходятъ поѣзда. Отвѣчаетъ мастеровой съ бляхой:

— Въ три.

Я:

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанію большевиковъ переведены въ Сергіевѣ на 2 часа впередъ.

— Конечно по новому. Теперь все по новому. (Помолчавъ:)

— Старое теперь все въ могилѣ.

Да. Радуйся русская литература. И ржаная мука уже 350 руб. цудъ.

Бѣдные мрутъ. Богатые едва имѣютъ силу держаться.

Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромъ?

Въ революціи нашей въ высшей степени «неясенъ» еврей. Какъ онъ во всемъ не ясенъ, и запутался во всей европейской цивилизаціи. Но до Европы — оставимъ. Намъ важны мы. Посмотрите, какъ они трясутся надъ революціей. Не умно, злобоязненно, но — трясутся. А вѣдь это и ихъ «генештамъ» не общается ничего. Даже общается плохо. Почему же они трясутся? Я разъ посмотрѣлъ въ иллюстрированномъ журналѣ — Нахамкиса; и, противъ неприятнаго Ленина, сказалъ: — «Какъ онъ сорезеень» (хотѣлъ бы видѣть въ натурѣ).

Да, рѣчь его противъ Михаила Александровича — нагла. Но вѣдь евреи и всегда наглы. Въ Европѣ, собственно, она не умѣютъ говорить европейскимъ языкомъ, т. е. льстивымъ, вкрадчивымъ и лукавымъ, во всякомъ случаѣ — вѣжливимъ, а орутъ, какъ въ Азій, ибо и суть азіаты, грубіаны и дерзки. Это — тогочущіе пророки, какъ я опредѣлялъ когда-то. Они обо всякой курипѣ, т. е. въ торговѣ, пророчествуютъ. «Ефа за ефу», — «отчего ефу не вывѣряешь», «отчего вѣсы не вѣрны» (Исаія, — или который-то разъ попалось). Но... быть «Стекловымъ»^{*)}. Но это — не обманъ. Только отодвинутой «кончикомъ носка сапога», онъ разъярился, какъ «Нахамкись» и на Михаила Александровича, и — дальше... И возненавидѣлъ всю эту старую «черствую Русь».

Евреи... Ихъ связь съ революціей я ненавижу, но эта связь, съ другой стороны, — и хороша; ибо изъ-за связи и даже изъ-за поглощенія евреями почти всей революціи — она и снимается, окончится погромами и вообще окончится ничѣмъ: слишкомъ явно, что «не служить же русскому солдату и мужику евреямъ»... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства могутъ быть и думать «въ дѣломъ руководить потомъ Россіей», то есть бѣдные жидки, которые и соотечественникамъ не уступятъ русскаго мужика (идеализированнаго) и ремесленника и вообще (тоже идеализированнаго) сироту.. Евреи сентиментальны, глуповаты и преувеличивать. Русскій «мужичекъ-простачекъ» злобитъ, грубѣе... Главное — гораздо грубѣе. «Съ евреями у насъ дѣло вовсе не разобрано». Еврей есть первый по культурѣ человекъ во всей Европѣ, которая груба, плоска и въ «человѣчествѣ» далѣе социализма не понимаетъ. Еврей же зналъ вздохи Іова, пѣсенки Руфи, пѣснь Деворры и сестры Моисея:

— О, фараонъ, ты ввергнулся въ море. И кони твои потонули. И вотъ ты — ничто.

Евреи — самый утонченный народъ въ Европѣ. Только по глупости и наивности они пристажи къ плоскому дну революціи, когда ихъ мѣсто — совсѣмъ на другомъ мѣстѣ, у подножія державъ (такъ вѣдь и поступаютъ и чтутъ старые настоящіе евреи, въ благородномъ: «мы — рабы Твои», у всего настояще Великаго. «Величить душа моя Господа» — это всегда у евреевъ, и всегда — въ отношеніи къ великому и благородному исторіи). О, я вѣрю, и Нахамкись приложился сюда. Но — сорвалось не — «величіе», и онъ ушелъ, мстительно какъ еврей, — ушелъ «въ богему». «Революція такъ революція. «Вали все». Это жидъ и жидокъ и его терпѣливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмѣшекъ. А онъ все цымбалитъ. Насмѣшекъ, анекдотовъ: а онъ смотритъ русскому въ глаза и поетъ ему пѣсни (на жаргонѣ) Заднѣпровья, Хохломани, Подоліи, Воляни, Кавказа, и, можетъ быть, еще Сиріи и Палестины и Вавилона

^{*)} Найденное, послѣ взлома революціоннаго, его прошеніе на Высочайшее Имя, о позволеніи переимѣнить свою еврейскую фамилію на русскую.

и Китая (я слышалъ, есть китайцы - еврей, и отпускаютъ себѣ ко-сы!!!). Еврей вездѣ и оиъ «странствующій жидъ», Но не думай-те; не для «гешефта»: но (наша Лѣтопись) — «Богъ отнялъ у насъ землю за грѣхи наши и съ тѣхъ поръ мы странствуемъ».

И вездѣ они несутъ благородную и святую идею «грѣха (я плачу), безъ которой нѣтъ религіи, а человечество было бы разби-то (праведнымъ небомъ), если бы отъ жидовъ не научилось трепе-тать и молить о себѣ за грѣхъ. Они. Они. Они. Они утерли сопли пресловутому европейскому человечеству и всунули ему въ руки молитвенникъ: «на, болванъ, помолись». Дали псалмы. И Чудная Дѣва — изъ евреекъ. Что бы мы были, какая дичь въ Европѣ, се-ли-бы не еврей. Но они пронесли печальныя пѣсни черезъ насъ, смотрѣли (всегда грустными глазами) на насъ. И разъ я на паро-ходѣ слышалъ (и плакалъ): «Купи на 15 коп. уксусной кислоты — я выпью и умру. Потому что оиъ измѣнилъ мнѣ». Пѣла жидовка лѣтъ 14-ти, и 12-лѣтній братъ ея игралъ на скрипкѣ. И жидовка была серьезна... О, серьезна... Я (въ душѣ) плакалъ. И думать: «какъ честно; они вырабатываютъ пятаками за проѣздъ, когда у насъ бѣдные ѣдутъ фуками, т. е. какъ нибудь на казенный счетъ, или подъ лавкою, и вообще — на даровщинку».

И вотъ они пѣли, какъ и Деворра, не хуже. Почему хуже? Какъ «Па рѣкахъ вавилонскихъ»: — «О, мы разобьемъ дѣтей твоихъ о камень, дщерь вавилонская». Это — Нахамкисъ. Нахамкисъ кри-чить: «Зачѣмъ же лишили его права быть Стекловымъ», «благороднымъ русскимъ гражданиномъ Стекловымъ», и также сталъ «ругать звѣрки Михаила Александровича», какъ іудейки хотѣли (вѣдь только *хотѣли*) «разбивать вавилонскихъ дѣтей о камня» (вавилонскій жаргонъ).

Это — гниль, ярость: но оттого-то они и живутъ и не могутъ и не хотятъ умереть, что — горячи.

И будь, жидъ, горячь. О, какъ Розановъ — и не засыпай, и не холодѣй вѣчно. Если ты задремлешь — міръ умретъ. Міръ живъ и даже не сонеть, пока еврей «все однимъ глазкомъ смотритъ на міръ». — «А почему нынче овесъ?» — И торгуй, еврей, торгуй, — только не обижай русскихъ. О, не обижай, миленькій. Ты талан-тливъ, даже гениальнѣе въ торговлѣ (связь вѣковъ, связь съ Финля-ндіей). Припусти насъ; сперва припусти къ «Торговлѣ аптекарски-ми товарами», къ аптекамъ, научи «сипдикатамъ» и вообще введи въ свое дѣло ну хоть изъ 7 - 8 %, а себѣ — 100, и русскіе должны съ этимъ примириться, потому что вѣдь не они изобрѣтатели. По-дай еврею, подай еврею, — оиъ творецъ, сотворилъ. Но поломъ по-дай и русскому. Господи: оиъ пищъ.

О, довольно этой «нищенской сумы», этого христіанскаго ни-щенства, изъ котораго вѣдь выглядываютъ завидущіе глазки. Но оставимъ. И вернемся къ печальнымъ пѣснямъ Израиля.

И вотъ оиъ играетъ. мальчишка, а дѣвченка поетъ. Какъ я слу-шала эту пѣсню безумную на Волгѣ. И дѣти мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны всѣ. «Вѣдь у васъ былъ Самсоонъ, еврей?» Моргаетъ. — «Помните, Самсоонъ и Далила?» — «Какъ

они «сражались съ филистимлянами?» — «Сражались, о, о...» «Ну?» — «Теперь одна стѣна плача; Римляне разорили все».

И они трясут кулаками по направлению Рима. «У...У...У...». Но, еврей, утѣшься: давно прошли легіоны Рима; отъ Рима «того самаго», осталось еще меньше, нежели осталось отъ Иерусалима; онъ еще гораздо глубже погребенъ. А вы все еще спрашиваете у лѣнливаго хохла: «А всетаки почемъ же пшено?»

Русскіе въ странномъ обольщеніи утверждали, что они, «и восточный и западный народъ» — соединяють и Европу и Азію въ себѣ, не замѣчая вовсе того, что скорѣе они не западный, и не восточный народъ, ибо что же они принесли Азіи, и какую роль сыграли въ Европѣ? На востокѣ они ободрали и сплюснули Бурятъ, черемисовъ, киргизъ-кайсаковъ, ободрали Арменію и Грузію, запретивъ даже (самъ слушалъ обѣдню) слушать свою православную обѣдню по грузински. О,о,о... Самъ слушалъ, самъ слушалъ в Тифлисѣ. Въ Европѣ явились какъ Герценъ и Бакунинъ и «внесли социализмъ», котораго «вотъ именно не хватало Европѣ». Между Европой и Азіей мы явились именно «межеумками», т. е. именно филистами, не понимая ни Европы ни Азіи. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это, дѣйствительно, внесли. Страхъ мнѣ говорилъ съ печалю и отчасти съ восхищеніемъ: «Европейцы, видя во множествѣ у себя русскихъ туристовъ, поражаются талантливостью русскихъ и угонченнымъ ихъ развратомъ». Вотъ это — такъ. Но принесли ли мы семью? добрыя начала нравовъ? трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, какъ страшно сказать... Тогда, какъ мы «и не восточный и не западный народъ», а просто ерунда, — ерунда съ художествомъ, — евреи являются на самомъ дѣлѣ не только первенствующимъ народомъ Азіи, давшимъ уже не «кое-что», а весь свѣтъ Азіи, весь смыслъ ея, но они гигантскими усилями, неутомимой дѣятельностью, становятся мало-по-малу и первымъ народомъ Европы. Вотъ! Вотъ! Вотъ! Этого-то и не сказалъ никто о нихъ, т. е. «о соединительной ихъ роли между Востокомъ и Западомъ, Европою и Азіею». И -- пусть. О, пусть... Это — да, да, да.

Посмотрите, ветрепнитесь, опомнитесь: несмотря на вобов, какъ они часто любятъ русскихъ и жалѣють ихъ пороки, и никогда «по Гоголевски» не издѣваются надъ ними. Надъ порокомъ нельзя смѣяться, это -- преступно, звѣрски. И своею и нравственною, и культурною душою, они никогда этого не дѣлають. Я за всю жизнь никогда не сидѣлъ еврея, пошлявагося надъ пьянымъ или надъ лѣнивымъ русскимъ. Это что-нибудь значитъ среди оглунительнаго хохота самихъ русскихъ надъ своими пороками. Среди павшихъ очаровательныхъ: «Фонъ-Визитъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Щедрипъ, Островскій». А вотъ слова, которыя я слышалъ: «Послушайте, какъ вы смотрите на русскаго священника?» — «При всѣхъ его недостаткахъ, я всетаки люблю его». — «Люблю? Это -- мало: можно ли не читать его: онъ получаетъ корку хлѣба, т. е. сельскій священникъ, а сколько труда, сколько труда онъ несетъ». Это докторъ

Розенблюмъ, въ Лугѣ, въ 1910 г. Я думаю, онъ нѣмецъ. Разспросилъ — еврей. Когда разбиралось дѣло Палченко («Де-Ласси и Панченко»), пришлось при экспертизѣ опросить какого-то врача -еврея, и онъ сказалъ серьезно: «Я вообще привыкъ думать, что *русскій врачъ есть достойное и праславенное лицо*». И такъ былъ пораженъ обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я былъ поражаемъ, что не смотря на побой («погромы») взглядъ евреевъ на русскихъ, на душу русскую, на самый даже несносный характеръ русскихъ — уважителенъ, серьезенъ. Я долго (многіе годы) приписывалъ это тому, что «евреи хотягь еще больше развратиться русскимъ»: но покоряеть дѣло истинѣ своей, и я въ концѣ концовъ вижу, что это — не такъ. Что стояло безумное оклеветаніе въ душѣ моей, а на самомъ дѣлѣ евреи уважаительно, любяще и трогательно относятся къ русскимъ, даже со страннымъ противъ европейцевъ предпочтеніемъ. И на это есть причина: среди «свинства» русскихъ, есть правда одно дорогое качество, — интимность, задущевность. Евреи — тоже. И вотъ эту чертою они ужасно связываются съ русскими. Только русскій есть пьяный задущевный человѣкъ, а еврей есть трезвый задущевный человѣкъ.

Огромный красивый солдатъ, въ полу-сумракѣ уже, говорилъ мнѣ:

— Какъ отвратительно... Какъ отвратителенъ тонъ заподозриванія среди этого Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Я пришелъ въ Таврической Дворецъ и не вѣрю тому, что вижу... Я пришелъ съ вѣрою въ народъ, въ демократію...

Такъ какъ я пришелъ «безъ вѣры», то горячо и какъ бы «хватаясь за его руку», спросилъ у него:

— Да кто вы?...

— Солдатъ изъ Финляндіи... Стоюмъ въ Финляндіи... Я, собственно, еврей...

— Я — русскій Русскій изъ русскихъ. Но я хочу васъ поцѣловать. — И мы крѣпко поцѣловались.

Это было, когда я захотѣлъ посмотрѣть «солдатскихъ депутатовъ» въ мартѣ или апрѣлѣ 1917 года.

Въ томъ же мѣсяцѣ, но много позже:

Уголь Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполненъ. И старается пожилой еврей съ женою сѣсть съ передней площадки, такъ какъ на задней «висеть». Я осторожно и стараясь быть не очень замѣтнымъ — подсаживаю жену его. Когда вдругъ схватилъ меня за плечо солдатъ, очевидно не трезвый («халха»):

— Съ передней площадки запрещено садиться. Развѣ ты не знаешь?!?!

— Я всегда поражался, что эти господа и вообще вся российская публика, отбѣивъ у себя царскую власть «порывомъ», никакъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ тоже «порывомъ» вскочилъ на переднюю площадку вагона и поѣхалъ, куда ему нужно. Оттол-

кнувъ его, и продолжалъ поддерживать и пропихивать еврейку,¹ сказавъ и еврею: — Садитесь, садитесь скорѣе!!»

Мотивъ былъ: еврей торопливо просилъ пропустить его «хоть съ передней», ибо онъ спѣшилъ къ отходу финляндскаго поѣзда. А всякій знаетъ, что значить «опоздать къ поѣзду». Это значить «опоздать къ обѣду», и пошло разстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдатъ закричалъ, крикнувъ и другимъ тутъ стоявшимъ солдатамъ («на помощь»): «тащите его въ комиссариатъ, онъ оскорбилъ солдата». Я, правда, кажется, назвалъ его дуракомъ. Я смутился: «съ комиссариатомъ я ко всякому обѣду опоздаю» (я тоже спѣшилъ). Видя мое смущеніе и страхъ, еврей вступился за меня — «Что же этотъ господинъ сдѣлалъ, онъ только помогъ моей жепѣ».

И вотъ, не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что въ немъ стоялъ ножъ:

— Ж-ж-идь прок-ля-тый...

Это было такъ сказано.

И, какъ музыка, старческое:

— Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода», — мартъ): зачѣмъ же вы говорите такъ (т. е. что «и еврей, и русскій — братья», «нѣтъ больше евреевъ, какъ *чужихъ и постороннихъ*)».

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышалъ всю музыку голоса, глубоко благороднаго и глубоко удивляющагося.

Потомъ уже, на завтра, и даже «сегодня» еще, я понималъ, что мнѣ нужно было снять шапку и почти до земли поклониться ему, и сказать: «Вотъ, я считаюсь врагомъ еврейства, но на самомъ дѣлѣ я не врагъ: «и прошу у васъ прощенія за этого грубаго солдата».

Но солдатъ такъ кричалъ и такъ пытался схватить и дѣйствительно хваталъ за руку со своимъ «комиссариатомъ», что въ попыткахъ я не сдѣлалъ естественнаго.

И опять звукъ этого голоса, какого *на русской улицѣ*, — ужъ извините: на русской пох...ной улицѣ, — не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

«Мы уже теперь все братья. Для чего же вы говорите такъ?»

Еврей наивны; еврей бываютъ очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащаго, стараго) заключалась въ томъ, что этотъ еврей, — и такъ, изъ полу-образованныхъ, мѣщанъ, — глубоко и чисто повѣрили, со всемъ восточнымъ довѣріемъ, что эти шуты русскіе въ самомъ дѣлѣ «что-то почувствовали въ души своей». «не стерѣли стараго произвола» и, вотъ, «возгласили свободу». Тогда-какъ, по завѣтамъ русской исторіи, это были просто Чичиковы, — ну, «Чичиковы въ помѣси съ Муразовыми». Но уже никакъ не больше.

Форма. Фраза.

И вдругъ это такъ перерѣзало музыкой. Нельзя объяснить, не умѣю. Но даже до Чудной Дѣвы мнѣ что-то послышалось въ голосѣ.

«Величить душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасѣ моемъ».

Я хочу сказать, что все европейское какъ-то необыкновенно грубо, жестко сравнительно съ еврейскимъ. Тутъ тайна Сиріи и ихъ жаркихъ странъ. Тутъ та тайна еще, что они Iowa слушаютъ не двѣ тысячи лѣтъ, а пять тысячъ лѣтъ, да очевидно и слушаютъ-то другимъ ухомъ. Ахъ, я не знаю что... Но я знаю, что не въ умѣ евреевъ дѣло, не въ дѣятельности и дѣловитости, какъ обыкновенно полагаютъ, а совершенно въ иномъ... Дѣло заключается, или почти должно заключаться въ какой-то таинственной Сулафими, которая у нихъ разлита во всемі, — въ иномъ осязани, въ иной воспримчивости къ цвѣтамъ, въ иной пахучести, и — какъ человѣка «взять», «обнять», «приласкать». Гдѣ-то тутъ. «Отъ человѣка къ человѣку». Не «въ еврей», а въ «двухъ еврейхъ». И вотъ тутъ-то они и разливаются во всемірность.

«Русскіе — общечеловѣки». А когда дѣло дошло до Арменіи, — одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ (и недавній) сказалъ: «Намъ (Россіи) нужна Арменія, а вовсе не нужно армянъ». Это — дѣловымъ, строгимъ образомъ. На концѣ тысячелѣтія существованія Россіи. Т. е. не какъ восклицаніе, гнѣвъ, а (у министра) почти какъ программа... Но вѣдь это значитъ: «сгнать бы и стеръ съ лица земли армянъ, всѣхъ этихъ стариковъ и дѣтей, гимназистовъ и гимназистокъ, если бы не было неприлично и не показалось некультурно». Это тотъ же Герценъ и тотъ же социализмъ. Это вообще русскій нигилизмъ, очевидно, *въковичный* (Бить Китьчъ о женѣ своей: «хочу съ кашей ѣмъ, хочу со щами хлебаю»). Опять, опять «удѣлъ Россіи»: — очевидно, не русскимъ дано это пониманіе въ удѣлъ. Несчастные русскіе, — о, обездоленные... Опять же евреи: на что погромы. Вѣдь это ужасъ. И вотъ все-же они нашли и послѣ нихъ всѣ слова, какія я привелъ, — и порадоваться русской свободѣ, и оцѣнить русскаго попа. Да и вообще злого глаза, смотрящаго украдкою или тайно за спиною русскаго, я у еврея не видалъ.

Я и хочу сказать, что дѣло заключается въ какой-то дѣловой всемірности. — не отвлеченной, не теоретической, а съ другой стороны — не взыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый «социализмъ ихъ», какъ я его ни ненавижу, все-таки замѣчательнъ: все-таки вѣдь социализмъ выражаетъ мысль о братствѣ народовъ и братствѣ людей, и они въ него уперлись. Тутъ только наивность евреевъ, которые рѣшительно не такъ умны, какъ европейцамъ представляется, какъ европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая по пальцамъ: «кто съ чьимъ, съ какимъ имуществомъ живетъ», и не догадываясь, что все зависитъ отъ «какъ» втотъ человѣкъ живетъ; что можно жить съ большимъ богатствомъ — какъ съ аду» (наши Кить Китьчи) и можно жить на кухнѣ, «въ прислугахъ» — «счастливѣе господъ». Рѣшительно я замѣчалъ, какъ многіе господа живутъ печальнѣе,

грустиѣ, и раздраженіѣ своихъ прислугъ, которые — по самымъ лицамъ ихъ видно — живутъ «благословясь и въ благословеніи». Соціализмъ вообще плосокъ, доска. — и безмѣрная наивность евреевъ, что они восприняли его, что они повѣрили въ такой глупый счетъ арифметическихъ машинъ. И я вѣрю, что это непременно и скоро кончится. *Имъ-ли, имъ-ли, послѣ ихъ-ли исторіи и судьбы*, — вѣрнѣе этому... Имъ-ли, которые въ нѣтъ реализма («будь все какъ есть») произвели: «льня курлацагося *не погаси*» и «тѣсти надломленной *не преломи*», — и которые, если кто богатый обѣдѣваетъ у нихъ, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы онъ не испытывалъ первѣны въ самомъ уровнѣ своего положенія и *не скорбѣлъ черезъ самую мысль даже о немъ*... Это именно пѣга благородства и человѣчности, и выраженная кухоннымъ, т. е. реальнѣйшимъ способомъ. «Такъ несчастно живутъ въ ихъ гетто» и ихъ «свинные кагалы». (Мнѣ сообщилъ это еврей торговецъ дамскими ботинками, въ совершенно темномъ вагонѣ, въ Сиб., въ Варшавскомъ вокзалѣ; онъ былъ, что такая у нихъ рѣдкость, немного не трезвъ). Вотъ! вотъ! настоящая идея уравненія бѣднаго и богатого: помолъ бѣдному и *помощь богатому*, дабы оба держались на томъ же уровнѣ, безъ опущенія разницы температуръ *привычной* жизни — просто *отъ роду*. О, гениі универсальности и чуткости. Богачъ можетъ также скорбѣть и *страданія его могутъ быть величайшія*. Нельзя завистливымъ глазомъ смотрѣть на богатство. Это — христіанство. И чужъ ли именно по зависти, а не по «благости» — соціализмъ есть воистину христіанское явленіе. Самый «соціализмъ» или «соціализація» — безъ христіанства — выразился бы пожалуй въ другомъ, иначе: обѣдаю самъ, но и еще лишнему, гостю, *чужому съ улицы* — даю обѣдъ, сажаю съ собой его за столъ, *не отягощаясь*, что это чужой. Соціализмъ выразился бы *близостью*, соціализмъ выразился бы *любовью*; а не — «перерву горло» у солдата, закричавшаго: «жить про-клятый». Словомъ, соціализмъ выразился бы тоже однимъ изъ таинственныхъ вѣяній Суламифи, какимъ — мы не знаемъ, если бы онъ былъ оригинально-евреенъ, а не подражательно-евреенъ (отъ европейцевъ). Да вотъ: «Дай, я умою ноги тебѣ», о нищемъ, о бѣдномъ. Тутъ именно «дотронуться», дотронуться до *бѣднаго*. Какъ я и сказалъ: «надо пощупать кожу его».

Суть вещей. Суламифъ. Вѣдь вся Пѣсь Пѣсней — пахуча. Тайна вещей, что онъ не «добръ», а нѣженъ. Добро — это отвлеченность. Добро — это долгъ. Всякій «долгъ» надобѣтъ когда-нибудь дѣлать. Тайна міра, тайна всего міра заключается въ томъ, чтобы *мнѣ самому было сладко дѣлать сладкое*, и вотъ тутъ секретъ: «Сними обувь, и я взявъ холодной воды — проведу по подошвамъ твоимъ, по подъему ноги, по пальцамъ». Тутъ такъ близко, что уже есть любовь. «Я замѣчу старую морщину у старика, — да и такъ можетъ выйти случай, шутка около омовенія ногъ». Это вообще такъ близко, что не можетъ не завязаться шутка и анекдотъ «около но-

ти». Ну, вотъ, видите: а разъ шутка и анекдотъ, то уже никогда не выйдеть холоднаго, холоднаго потому, что формальнаго *fraternité, égalité*. Къ великимъ прелестямъ европейской истории относится то, что при всей древности и продолжительности ея — никогда у нихъ даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой не-вѣрности и такой несправедливости. Ибо вѣдь нужно и истину и справедливость перевернуть вверхъ дномъ, дабы между неодинаковыми, ничего между собой не имѣющими общаго людьми, установить *égalité*, да и еще родственное — *fraternité*.

Прямо чувствуешь франтовъ и маркизовъ 18 вѣка, *fin du siècle XVIII*. А это: «Около тебя *раба твоя Руфь...*» — *И будетъ мнѣ по глаголу твоему...* Какіе все тоны! Ты плачешь, европеецъ. Плачь же. Плачь обѣдными своими глазами. Плачь: потому что въ оригинальной своей исторіи ты вообще не сотворишь такихъ словооборотовъ, сердцеворотовъ, умоворотовъ. Вся душа твоя плеще, суше, холоднѣе. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иныя травы. И — посмотрите, королевы-ли, маркизы, жены, любовницы: вѣдь Суламифъ — всего только любовница. Любовница? И никто не отрицаетъ. Но жены стоятъ и рыдаютъ: «о, какъ хотѣли бы мы только побыть такою любовницею». И вотъ — посмотрите чудо, чудо уже въ нашей исторіи и «въ строгостяхъ нашихъ»: и церковь не отрицаетъ, что это — только любовница. Но и она рыдаетъ и говоритъ: «Какое чудо... Я знаю — *кто* она, эта Суламифъ: и не осуждаю, и обнимаю ноги ея, потому что она вся прекрасна и благородна, и нѣтъ лучшей между женами по чистотѣ мыслей и словъ».

И чувствуете ли вы, европейцы, что вотъ уже весь міръ преобразенъ. Нѣтъ вашихъ сухихъ категорій, нѣтъ вашихъ плоскихъ категорій. Гдѣ юриспруденція? гдѣ законы? Нѣтъ, гдѣ — гордость? А изъ нея у Европы все. Вся Европа горда и изъ гордости у нея все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Небо дай намъ! А небо...

Оно тамъ, гдѣ рабство. Гдѣ рабы счастливѣе господъ. А «гдѣ рабы счастливѣе господъ» — это тайна Израили. Ибо по-истинѣ Суламифъ была счастливѣе Соломона и Агарь прекраснѣе Авраама. Вотъ.

Еще о «Сынѣ» въ отношеніи «Отца»

...Въ сынахъ человѣческихъ, — сынахъ *земныхъ* и *несовершенныхъ*, — такъ это и происходитъ, что «сынъ рождается, если отецъ былъ не ПОЛОНЪ. Если онъ не круглъ, не закругленъ (зерно, *ВИДЪ* зерна, онтологическое основаніе закругленности *ВСЯКИХЪ* *ВООБЩЕ* *ЗЕРЕНЪ*), если онъ — *УГЛОВАТЬ*.

Сынъ, дѣти въ сынахъ человѣческихъ всегда *НЕ ПОХОДЯТЪ* на отца, и скорѣе *ПРОТИВОЛЕЖАТЪ* ему, нежели его повторяютъ собою. Мысль о *тавтологии* съ отцомъ, не *оплицимости* отъ отца противорѣчитъ закону космической и онтологической цѣлесо-

образности. Повтореніе вообще какъ-то глупо. Онтологически — оно невозможно.

Посему кто сказалъ бы: «я и отецъ — ОДНО, вызвалъ бы отвѣтомъ недоумѣніе: «Къ чему?» — «Зачѣмъ повтореніе?». Нѣтъ, явно, что сынъ могъ бы «прийти» только чтобы «восполнить отца» какъ несовершеннаго, лишеннаго полноты и вообще недостаточнаго. Безъ онтологической недостаточности отца не можетъ быть сына, хотя бы отецъ и былъ «вѣчно рождающимъ» и даже только въ сути своей именно «рождающимъ». Но онъ «рождаетъ міръ» и, наконецъ, имѣетъ даръ, силу и красоту рожденія, хотя бы даже безъ выраженія ея на землѣ или въ исторіи. Вѣрнѣе, онъ именно *продолжаетъ* и *доселѣ* сотворять міръ, *соучаствуя* вѣмъ *творяя* безъ исключенія въ родахъ ихъ; составляетъ *перез* и *ити* ихнихъ родовъ, отъ цвѣтка и до человѣка, безъ преимущества цвѣтку или человѣку. Но чтобы появился сынъ, какъ имянность или лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать нѣчто *новое* землѣ и *совершить* на ней тоже *новое*. Безъ новизны нѣтъ сына. Сказать *иное* отъ отца и именно *отличное* отъ отца — вотъ для чего могъ бы «прийти» сынъ. Безъ противорѣчія отцу не можетъ быть сына.

Такъ это и изложено въ самомъ Евангеліи. «Древніе говорятъ... А (НО) — Я говорю». На самомъ дѣлѣ это говорили не древніе люди, но — законъ ихъ, вышедшій отъ Отца. Возьмемъ же «око за око» — и «подставь ланиту ударившему тебя». «Око за око» — есть основаніе онтологической справедливости наказанія. Безъ «око за око» — *бысть* преступленіе и *нѣсть* наказанія. А «наказаніе» даже въ упрекѣ совѣсти (я въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ физикѣ) — оно *ЕСТЬ*, и оно *онтологично* міру, т. е. однопространственно и одновременно міру, въ душѣ его лежитъ. И отъ того, что оно такъ *положено* въ міръ, положено Отцемъ небеснымъ, — Христова «ланита», въ противоположность Отцовскому (какъ и *вездѣ*) *милосердію*, — довела человѣчество до мукъ отчаянія, до мыслей о самоубійствѣ, или — до безконечности обезобразила и охаотила міръ. Между прочимъ, на это показываютъ слова Апостола Павла: *Будный* я человѣкъ, кто *избавитъ* меня отъ *сего* *тѣла* смерти». Это — прямо вопль Каина; и относится онъ бесспорно къ винѣ отмѣны обрѣзанія т. е. къ разрушенію имъ, уже совершенно явно, всего Ветхаго Завѣта, при полномъ непониманіи этого Завѣта. Какъ и *вездѣ* въ Евангеліи, при «пустякахъ» ланиты, дѣлая пустое облегченіе человѣку, — Христосъ *на самомъ дѣлѣ невыносимо отяготилъ* человѣческую жизнь, усѣялъ ее «терніями и волчцами» колючекъ, чего-то рыхлаго, чего-то несбыточнаго. На самомъ дѣлѣ, «справедливость» и «наказаніе» есть то «обыкновенное» и то «нормальное» земнаго бытія человѣческаго, безъ чего это бытіе потеряло бы уравновѣшанность. Это есть то ясное, простое и вѣчное, что именно характеризуетъ «полноту» отца и его вѣчную основательность, — кончающую короткое короткимъ, — на мѣсто чего стали слезы,

истерика и сентиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

Приказъ № 1

превратившей одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию въ труху и сорь, не подѣйствовалъ бы на нее и даже не былъ бы вовсе понятъ ею, если бы уже 3/4 вѣка къ нему не подготавливала вся русская литература. Но нужно было, чтобы — гораздо ранѣе его — начало слагаться пренебреженіе къ офицеру, какъ къ

дураку
фанфарону
трусѣ,

во всѣхъ отношеніяхъ къ —

ничтожеству

и отчасти къ

вору.

Для чего надо было сперва посмотрѣть на Скалозуба въ театрѣ

и прочитать, какъ

умывался

генераль Ветрищевъ, пишущій «Исторію генераловъ Отечествен-ной войны», — у Гоголя, фыркая въ носъ Чичикову. Тоже — и самому Толстому надо было передать, какъ генералы храбрятся по виду, и стараются не нагнуться при выстрѣлѣ, но нагибаются, вздрагиваютъ и трясутся въ душѣ и даже наяву.

Когда вся эта литература прошла, — прошла въ гениальныхъ по искусству созданихъ «русскаго пера», — тогда присяжный повѣренный Соколовъ «снялъ съ нея сливки». Но еще болѣе «снялъ сливки» Берлинскій Генеральный Штабъ, охотно бы заплатившій за клочекъ писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германіи за годъ.

«Приказъ № 1» давно готовился. Безспорно, онъ былъ заготовленъ въ Берлинѣ. Берлинъ вообще очень хорошо изучилъ русскую литературу. Онъ ничего не сдѣлалъ много, какъ выжалъ изъ нея соль. Онъ отбросилъ цѣлебное въ пей, чарующее, истинное. «На войнѣ какъ на войнѣ»... «Эти ароматы намъ не нужны». «Намъ, — нѣмцамъ на рѣкѣ Шпрее...»

Отъ ароматовъ и благоуханій онъ отдѣлилъ ту каплю желчи, которая несомнѣнно содержалась въ пей. Несомнѣнно — содержалась. И въ нужную минуту поднесъ ее Россіи.

Именно ее.

Ее одну.

Каплю болѣе роскошно выработанную золотой русской ли-тературой.

«Пей. Ты-же ее любила. Растила. Холила».

Россія выпила и умерла.

Собственно, никакого нѣтъ сомнѣнія, что Россію убила литература. Изъ слагающихъ разложителей Россіи ни одного нѣтъ не литературнаго происхожденія.

Трудно представить себѣ... И, однако -- такъ.

Къ читателю, если онъ другъ. — Въ этотъ страшный, потрясающій годъ, отъ многихъ лицъ и знакомыхъ, и вовсе неизвѣстныхъ мнѣ, я получала, по какой-то догадкѣ сердца, помощь и денежную и свѣтными продуктами. И не могу скрыть, что безъ таковой помощи я не могла бы, не сумѣла бы перебыть этотъ годъ. Мысли и страхи и тоска самоубійства уже мелькали, давили. Увы: писатель — сомнамбула. Лазить по крышамъ, слушаетъ порохи въ домахъ: а не поддержки или не удержки его кто-нибудь за ноги, если онъ проснется отъ крика къ дѣйствительности, ко дню и пробужденію, онъ сорвется съ крыши дома и разобьется на смерть. Литература великое, самозабвенное счастье, но и великое въ личной жизни горе. Черныя тѣни, уголь; но и молодая зось (заря) эллиновъ. За помощь — великая благодарность; и слезы не разъ увлажняли глаза и душу. «Кто-то помнить, кто-то думаетъ, кто-то догадался». «Сердце сердцу вѣсть сказало». Тоже въ своемъ родѣ сомнамбулизмъ пространствъ, времени и уже читательской души и ея благородныхъ свидѣній. Естественно каждому своя душа открыта, и о своей душѣ я знаю, какъ она ласкаетъ и бережетъ (главное!) и хочетъ унѣжить и у-интимить (сдѣлать интимною) душу читателя. «Интимное, интимное берегите: всѣхъ сокровищъ міра дороже интимность вашей души! — то, чего о душѣ вашей никто не узнаетъ!» На душѣ читателя, какъ на крыльяхъ бабочки, лежитъ та нижняя послѣдняя пыльца, которой не смѣетъ, не знаетъ коснуться никто кромѣ Бога. Но вотъ и обратно: значить, интимность души читателя взяла внутрь себя интимную душу писателя. «Какъ ты тревоженъ, мой авторъ. Откуда у тебя такіе сны и страданія?».

О чемъ ты воешь, вѣтеръ ночной

Какую навѣваешь бѣду?

Устала. Не могу. 2-3 горсти крушы, пять круто испеченныхъ яицъ, можетъ часто спасти *день мой*. Что-то золотое брезжится мнѣ въ будущей Россіи. Какой-то въ своемъ родѣ «апикалипсическій переворотъ» уже въ возрѣвляхъ историческихъ не одной Россіи, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мнѣ брезжится въ послѣднихъ дняхъ моей жизни. В. Р.

*Сергѣевъ Посадъ, Московск. губ.,
Красноковка, Полевая ул., домъ
свящ. Вьялева.*

ВЫПУСКИ ВОСЬМОЙ И ДЕВЯТЫЙ

1. Христiанинъ. 2. *La divina comedia*. 3. Странность. 4. *Perturbatio aeterna*. 5. Надавило ишафомъ. 6. О отрасляхъ мiра.

Христiанинъ

Точно онъ большой и всѣхъ заподозриваетъ, что они больны еще какими то худшими болѣзнями, исцели онъ самъ. Только къ одному, къ власти, онъ не чувствуетъ подозрѣнiя. Власть всегда добра, блага, и собственно потому, что онъ лѣнивъ и власть обѣщаетъ ему е. о устроить, какъ калѣку.

Благотворенiе, которое вездѣ восполняетъ недостатокъ, у христiанъ есть нормальное положенiе. Тутъ всѣ благотворять «имѣю братiю» и какая то нишета имущества, тѣль и духа — вотъ христiанство. «Худошавые люди».

Когда славяне назвали «варягъ изъ-за моря» управлять себя, управлять своею «обширною и богатою землею», они показали себя какими-то калѣками уже до рожденiя. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сихъ поръ, до нашего даже времени, я наблюдалъ, что всѣ получше землицы, «покруглѣе», поудобнѣе мѣстоположенiемъ — въ рукахъ нѣмцевъ или евреевъ. «Дача Штоля», «имѣнiе Винклера». За 15.000 Штоль скупить дѣся и земли около трехъ огромныхъ озеръ и уже черезъ семь лѣтъ ему предлагали за нихъ около 120.000 и онъ ихъ не продалъ. Онъ зналъ, что звукъ его возьметъ за насъ миллионъ. Это точъ въ точъ «варяговъ». Проздалъ безъ сомнѣнiя помѣщикъ, обезпечивавшiй свою кухарчейку съ дѣтьми. «Ей больше 15.000 не надо. А званiе — и мнѣ»; я же проживу при ней. Она меня кетати пускаетъ и въ картинки перекушутся». Поэты.

У насъ вездѣ Нали и Дамаянти. Художественная нация. Съ анекдотомъ.

И вотъ такъ мы живемъ. Но вернемся къ христiанамъ. Нѣтъ яснаго, добраго, веселаго глаза. Всѣ всѣхъ осматриваютъ, всѣ всѣхъ подозрѣваютъ. Всѣ о всѣхъ сплетничаютъ. «Христiанская литература» есть почти «исторiя христiанской сплетни». Посмотрите беллетристику, театръ. Это почти сплошное злословiе.

Какъ ужасно. И еще какъ ужаснѣе любить все это. Стояю и люблю, стопаю и люблю. Привычка, традиция. Ахъ, «мой бѣдные родители».

La Divina comœdia

Съ лязгомъ, скрипомъ, визгомъ опускается надъ Русской Исторіею желѣзный занавѣсъ.

— Представленіе окончилось.

Публика встала.

— Пора одѣвать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шубъ, ни домовъ не оказалось.

Странность

Много въ Евангеліи притчей, но гдѣ же молитва, гимны, гдѣ псаломъ? И почему-то Христосъ ни разу не взялъ въ руки арфу, свирѣль, цитру и ни разу не «воззвалъ»? Почему Онъ не научилъ людей молиться, разрушивши въ то же время культъ и Храмъ? И о Храмъ явно сказавъ, что Онъ его разрушитъ; какъ и объ Иерусалимѣ — тоже вѣлительно предсказавъ, что онъ падетъ и разрушится. Разрушится такое средоточіе молитвъ и молитвенности, какого, конечно, не было нигдѣ еще на землѣ. Почему то таинственно и несповѣдимо людямъ никогда не пришло на умъ, что Евангеліе есть религіозно-холодная книга, чтобы не сказать — религіозно-равнодушная. Гдѣ не поютъ, не радуются, не восторгаются, не смотрятъ на Небо; и гдѣ вообще какъ то ужъ очень «не похоже на рай первобытныхъ человѣковъ». Не пришло на умъ никому, что если чѣмъ болѣе всего Евангеліе удивляетъ и поражаетъ, то это религіозною *трезвостью*; близкою уже къ рационализму; и гдѣ «пары» не идутъ ни «сверху», ни «снизу». Притча, «притча», — «вышелъ сѣятель сѣять въ поле», — все это какъ будто уже приготовлено для Гарнака и священника Григорія Петрова; рассказъ «изъ житейскаго» на поучительную обыденную «мораль»... Сверхъ Гарнака, надо бы еще прибавить и Фарраріа: но гдѣ же тутъ религія? Гдѣ, главное онъ, псаломъ — существо всего дѣла? И этотъ Царь, *неудержимо поющихъ* Богу?

«Какъ лань жаждетъ на источники воды, такъ душа моя тоскуетъ по Тебѣ, Боже»...

На большомъ, всетаки очень большомъ протяженіи Евангелія, только всего одна молитва въ семь строкъ. И какъ она вся послѣдовательна, отчетлива. Это — логика, а не молитва; съ упоминаніями о томъ и о томъ-то, но безъ умиленія, безъ іоты восторга. Это какое то продолговатое «дважды \times два = Боже».

Развѣ это то, что «молитва мытаря», великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите же глаза въ руки: это вовсе не молитва Христа, а случайно подслушанная евангелистомъ *именно молитва челоуѣка мытаря*. Не поразитъ ли cadaго, что у Христа въ молитвѣ «Отче нашъ» — *меньше поумена молитвенности*, нежели у этого бѣднаго челоуѣка. И вообще мы не слышимъ молитвъ и любящихъ

излияній сердца именно Христа къ Отцу Своему, что такъ естественно-бы отъ Сына, что такъ ожидалось-бы отъ Сына. Люди молятся, но Христосъ не молится. Молится гдѣ то Фарисей, въ отодвинутости, въ отстраненіи, въ какой-то *гадливой тѣни*, и какъ это параллельно и какъ бы «поддерживаетъ» уже предрѣшенное разрушеніе Храма и Иерусалима, и всего племени Израильскаго. *«Такъ они молились, и чего же ждать отъ этого племени?»* Между тѣмъ *теперь* мы уже знаемъ Симона Праведнаго, бенъ-Юхая, равви Акибу. Они молились *вовсе* не «такъ».... Да что, Юна: даже «попавъ въ чрево китово», онъ всетаки «всталъ на молитву», и «воззвалъ»: не былъ же и онъ фарисеемъ и не для фарисейства онъ молился. Юна невидимо и прерасно защищаетъ и — *фарисея*. Евреи молились *вовсе* не такъ, какъ описано въ Евангеліи, и въ Евангеліи содержится клевета на молитвы евреевъ. Эти утормоленные жидки, и Симонъ Праведный, и Акиба, бѣгали, суетились, кричали, кричали на народъ, но никогда «торжественно не становились въ позу», не произносили словъ, во-истину проклятыхъ. Единственно, въ чемъ они «прегрѣшили противъ Евангелія» — это что такъ любили и Храмъ, и городъ и народъ....

Какое то странное угашеніе молитвенности... Сколько путешествуютъ въ «Дѣліяхъ» и — нѣтъ что бы помолился кто, отправляясь въ путь; и нѣтъ чтобы помолился кто, вернувшись благополучно съ дороги. А столько — хлопотъ. Нельзя не замѣтить пасмѣшливо: «ты слишкомъ хлопочешь, Марфа, — присядь къ ногамъ Отца Небеснаго»... Но именно Отецъ Небесный загадочно на умъ никому не приходитъ: только — *Сынъ*, вездѣ *Сынъ*, замѣщающій Отца... Между тѣмъ, что же такое *молитва*, какъ не исчерпывающее отношеніе дитяти-человѣка къ Богу? И вотъ именно она то таинственно исчезаетъ. Только разсуждаютъ. И приходитъ на умъ, что арфу Давида, лиру Ашолона и свирѣль Марсіа, — *мы ожидаемъ весь древній міръ*, — отнынѣ замѣнятъ богословствующие сноры. И что пожалуй тайный-то ноумень Евангелія и всего «дѣла евангельскаго и лежалъ въ перемѣнѣ — музыки молитвы па « *Cogito ergo sum* » богословія.

Perturbatio Aeterna

— Азъ же глаголю вамъ: *первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе станутъ первыми*.

И спросили Его ученики: «Но, Господи: до какого *предѣла* и въ какихъ *срокахъ*?»

И паки рекъ:

— «Первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми».

— «Но, учитель благой: если — *такъ*, то какое же царство устоитъ, и какая земля останется тверда, если все станетъ класться верхомъ внизъ, а снизу — на-верхъ?»

И рекъ снова: — «первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе станутъ первыми».

Ученики же глаголаша:

— «Но если это не мѣль бряцающая и не кимвалъ звенящій: то какъ вырасти овощу, если будетъ не гряда съ лежащею землею, а только мельканіе заступа, переворачивающаго землю со стороны на сторону?»

И пакы еще рекъ: «Азъ же истинно, истинно глаголю вамъ: первыя станутъ послѣдними, а послѣдніе первыми».

И убо яхъ ученики Его. И отойдя — совѣщались. И качали головами. И безмолствовали.

По зашумѣла исторія: заговоры, бури, перевороты. Смятенія народныхъ волнъ.

И все усиливается подняться къ нервнѣству. И никто долго не можетъ его удержать, а идетъ ко дну.

Во-истину: «Пошли серпъ твой на землю: и пусть пожнетъ растущее на ней» (Апокал.).

«И былъ плачь и скрежетъ зубовъ нѣхъ. И земля была пожата».

«Онъ (Раскольниковъ) пролежалъ въ больницѣ весь конецъ поста и Святую. Уже выздоравливая, онъ припомнилъ свои сны, когда еще лежалъ въ жару и бреду. Ему грезилось въ болѣзни будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, несмысленной и неведомой моровой язвы, идущей изъ глубины Азии на Европу. Весь должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія то новыя твари, существа микроскопическія, оселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же сумасшедшими и бѣсноватыми. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлыя города и народы заражались и сумасшествовали. Все было въ тревогѣ и не понимали другъ друга, — всякій думалъ, что въ немъ одномъ и заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походъ вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, козались и рѣялись, кусали и били другъ друга. Въ городахъ цѣлый день были въ набатъ: совывали всёхъ: но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а все было въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и

не могли согласиться. Остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться, — но тотчасъ-же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ-же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, — это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю». («Преступленіе и наказаніе», изданіе 1884 года, страница 500-501).

.....

«И вышедши, Иисусъ шелъ отъ Храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему зданіе Храма».

«Иисусъ же сказалъ имъ: видите ли все это? Истинно, истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ, Все будетъ разрушено». (Евангеліе отъ Матѳея, глава 24, 1-2).

.....

И спросилъ Его Іоаннъ: «Господи, кто предастъ Тебя?» Иисусъ же отвѣтилъ: — «кому Я, обмакнувъ въ соль, подамъ кусокъ хлѣба — тотъ предастъ Меня». И, обмакнувъ, подалъ Іудѣ. И тотчасъ вошелъ Сатана въ душу Іуды. И онъ, вставъ, пошелъ и предалъ Его».

.....

«Не-бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда...»

.....

«Не стѣшьте колебаться умою, и смущаться ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ посланія какъ бы нами посланнаго, будто бы наступаетъ уже день Христовъ».

«Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не прійдетъ, доколь не прійдетъ прежде отступленіе, и не откроется человекъ грѣха, сынъ погибели»;

«Противящійся и превносящійся превныше всего, называемаго Богомъ, или святынюю, такъ что въ Храмъ Божіемъ садеть Онъ, выдавая себя за Бога».

«И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться Ему въ свое время».

«Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствіи, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающей теперь».

«И тогда откроется беззаконникъ — тотъ, Котораго приходъ по дѣйствию Сатаны будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными».

«И со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ»

(«Второе посланіе Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ». Глава 2, 2 - 10).

.....

 «Я испыталъ тѣхъ, которые называютъ себя Апостолами, и они не таковы, и нашелъ, что они — лжецы.

«И они говорятъ о себѣ что они — іудеи, но они не таковы, а — сборище сатанинское» (Апокалипсисъ, глава 2, 2-3).

Надавило шкафомъ

Нельзя иначе, какъ отодвинуть шкафъ, спасти или вѣрнѣе избавить отъ непомѣрной вѣчной муки цѣлую народность, 5-8-10 миллионовъ людей, сколько — не знаемъ: но вѣдь даже и одного человека *задавить* — страшно. И вотъ онъ хочетъ дышать и не можетъ дышать. «Больно», «больно», «больно». Но между тѣмъ кто же отодвинетъ этотъ шкафъ? Пить маленькой коротенькой строчки изъ исторіи христіанства, которая не увеличивала - бы тяжести давленія.

«Кто можетъ отодвинуть блаженнаго Августина? Такой могучій, исключительный умъ. Кто можетъ отодвинуть Іоанна Златоуста? Одно имя показываетъ, каковъ онъ былъ въ словѣ. И апостола Павла? И ужь особенно — Самого? Между тѣмъ, уже одинъ тотъ фактъ, что «живой находится подъ шкафомъ», содѣлываетъ какое-то содроганіе въ груди. «Какъ живой подъ шкафомъ»? «Какъ онъ попалъ туда? Но — «попалъ». Притомъ — *кто?* Любимѣйшее дитя Возже, которое отъ начала міра, отъ созданія міра, было любимѣйшимъ. И никогда Богъ отъ него не отвращался, и онъ Бога никогда не забывалъ.

«Человѣкъ подъ шкафомъ». — «Человѣкъ въ морѣ». И корабль останавливается чтобы вытащить изъ моря. Бросаютъ сѣти, канаты, плавательные круги. «Вытащень». «Спасень». И всѣ радуются. «Человѣкъ спасень». И не сѣтуютъ, что корабль задержался, что «долго ждали». Лишь бы «спасень былъ».

По сему «ходъ христіанскаго корабля» уже потому представляется страннымъ, что человѣкъ въ морѣ и никто не оглянется, всѣ его забыли. *Забыли о человекѣ. О, о, о...*

Но «начать отодвигать шкафъ» и значить «начинать опять все дѣло сначала». «Не приняли Христа, а Онъ — Богъ нашъ». Какъ можно *намъ-то колебаться въ принятіи Христа?*

Надавила и задавила вся христіанская исторія. Столько комментариевъ. Столько «примѣчаній». Развѣ можно сдвинуть такіа бібліотеки? На евреевъ давить Императорская Публичная Библіотека, British Museum. И въ Испаніи — Университетъ въ Саламанкѣ, въ Италіи — Амвросіанская бібліотека въ Венеціи. Господи, — всѣ эти бібліотечные шкафы надавили на грудь жидка изъ Шклова. А вѣдь знаете, какъ тяжелы книги.

Но человекъ не умираетъ, и все стонетъ. Хоть бы умеръ. Цивилизація легче было-бы дышать. А то невозможно дышать. Все стоны, стоны.

Странная стонущая цивилизація. Уже зло пришествія Христа выразилось въ томъ, что получилась цивилизація со стономъ. Вѣдь Онъ проповѣдывалъ «лѣта благоприятное». Вотъ въ этомъ по крайней мѣрѣ — Онъ ошибся: никакого «лѣта благоприятнаго» не получилось, а вышла цивилизація со стономъ.

Какая же это «блага вѣсть», если «человекъ въ морѣ» и «шкафъ упалъ на человекъ»?

Итъ: во всемъ христіанствѣ, въ христіанской исторіи, — и вотъ какъ она сложена, вотъ какъ развивался ея спиритуализмъ, — лежитъ какое-то зло. И тутъ немощны и «цвѣточки» Франциска Ассизскаго и Анатоль Франсъ и Реналь.

«Человѣка задавило» и не хочу слушать «Подражаніе Фомы Кемпійскаго».

Три гороскопа

Есть-ли связь планеты съ обитающимъ ее человекомъ? И вообще — «о чемъ говорить солнышко?»... «Что тамъ въ звѣздахъ»? Шепчутъ-ли звѣзды? Или онѣ только тупо и пусто, какъ пустыя горшки, движутся по Копернику?

Объ этомъ говорили гороскопы. «Глупое знаніе древности», на которое при новой наукѣ не обращается никакого вниманія. Но новая наука, даже за мѣсяцы только не предрекала и теперешней войны. И, словомъ, «*Savoir pour prévoir.*» Конта — именно въ контизмѣ его, именно въ позитивизмѣ, какъ-то плоско расшилось...

Что-же такое «гороскопы»? Что такое они? Демонъ? Богъ? но и христіане, по крайней мѣрѣ на деревняхъ, «вѣрятъ въ судьбу»? Т. е. вѣрятъ въ тайную власть звѣздъ. И вотъ поразительно, что никто изъ историковъ не обратилъ вниманія на три поразительные «гороскопа» и, значитъ, «ведѣнія звѣздъ» — уже *испомнишіеся*, и — какъ мы эти три гороскопа уже знаемъ изъ исторіи, и какъ историкъ о нихъ самымъ подробнымъ образомъ рассказываютъ. Громко. Отчетливо. Во услышаніе цѣлага міра.

Одинъ гороскопъ — Иисуса Христа.

Другой гороскопъ — Апостола Петра.

Третій гороскопъ — Константина Великаго.

Одинъ былъ распятъ.

Другой — распятъ же, головою книзу.

Третій — Константинъ Великій — казнилъ

сына, но подозрѣнью въ связи его съ мачехою Фаустою. Этотъ сынъ былъ Криспъ. А самую жену, очевидно любимую, онъ сжегъ въ раскаленной банѣ.

Достоевскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что «планета не по-

падила Создателя своего».... О, о, о,.... Что-же, *зла* — *земля*? По онъ самъ говорить о «землѣ бѣлой, о землѣ «благой». Не онъ-ли сказать и «Святая Русь»? Вѣдь это — тоже планета, часть планеты. Нѣтъ, ужъ если что, то сама планета — бѣла, хороша. И мы въ нее должны повѣрить. Ну, такъ, просто повѣрить. И вотъ эта намъ «вѣримая» планета (по Достоевскому) сложила о *Немѣ* и о *нихъ* такіе ужасающіе въ исторіи *безпримѣрные, леденящие душу* гороскопы...

О, стоны...

Стоны, стоны, стоны...

Но, — которые такъ совпадаютъ до страхомъ евреевъ «перемѣнить туфлю».

Но какъ содержится въ этомъ ревушій подобно Мальштрему, — величайшій океанический водоворотъ, — ревъ Апокалипсиса:

— Они называютъ себя «Апостолами», а на самомъ дѣлѣ — исчадія Сатаны. И говорятъ: «Церкви», а на самомъ дѣлѣ — это сборища бѣсовскія....

О, о, о...

Ужасы, ужасы...

Ноумены планеты.

«И поколебались *основанія земли*» (Евангеліе о моментѣ распятія Христа).

«И сошелъ — *съ Присподиюю*»... Ужасы, ужасы....

Какъ разбита планета. И гдѣ-же, земля, твои осколки?

Гороскопы, гороскопы, гороскопы. О какъ ужасны ихъ предсказанія.

Неужели это шопоть звѣздъ? Бѣгите, историки, — зажимайте уши.

«Блаженны уши, которые ничего изъ человѣческой исторіи не слышали».

О страстяхъ міра

Здѣшняя земная жизнь — уже таить корни не земной. Какъ и сказано:

Есть упоеніе *въ бою*...

Это — Марсъ и Арей, *божества* Марса и Арея; они — какъ *боги*.

И бездны мрачной *на краю*,

И въ буйстваньи урагана,

И въ дуновеніи чумы....

Безсмертѣя, можетъ быть, залогъ.

Какая мысль, — какая мысль, *инстинктомъ*, — скользнула у Пушкина! Именно, — «залогъ безсмертія и *вѣчной жизни*». Это — «айдъ» и «елизій» древности: и какъ мы не повѣримъ имъ и ихъ *реальности* разъ у христіанина — Пушкина, у стихотворца — Пушкина, ничего о древнихъ въ минуту написанія стихотворенія не думавшаго, вдругъ и неожиданно, вдругъ и невольно, вдругъ и неодоли-

мо — скользнула мысль къ грекамъ, къ римлянамъ, къ тартару и мыслямъ Гезіода и Гомера...

Также мифъ ничего не приходило въ голову при видѣ гусеницы, куколки и бабочки, которыхъ я видалъ съ одной стороны — однимъ существомъ, но съ другой стороны, — столь-же выразительно, столь-же ярко, и — *не однимъ*.

Тогда, войдя къ друзьямъ, бывшимъ у меня въ гостяхъ, Каптереву и Флоренскому, естествоиспытателю и священнику, я спросилъ ихъ:

«Господа, въ гусеницѣ, куколкѣ и бабочкѣ — которое-же изъ нихъ?»

Т. е. «я» какъ-бы одна буква, одно слѣніе, одилъ лучъ.

«И» и «точка» и «ничего».

Каптеревъ молчалъ, Флоренскій-же подумавъ сказалъ: «конечно, бабочка есть энтелехія гусеницы и куколки».

«Энтелехія» есть терминъ Аристотеля, и — одинъ изъ знаменитѣйшихъ терминовъ, имъ самимъ придуманный и филологически составленный. Одинъ средневѣковный схоластъ прозаказывавъ черту душу, только чтобы хотя въ сновидѣніи онъ объяснилъ ему, что въ точности Аристотель разумѣлъ подѣ «энтелехією». Но, между прочимъ и другимъ, у Аристотеля есть выраженіе, что «душа есть *энтелехія* тѣла». Тогда сразу опредѣлилось для меня — изъ отвѣта Флоренскаго («да и что иначе могъ отвѣтить Флоренскій, какъ не — *это* именно?»), что «бабочка» есть *на самомъ дѣлѣ*, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки.

Такъ произошло это, космогонически - потрясающее, открытіе. Мы, можно сказать, втроемъ открыли душу насѣкомыхъ, раньше, чѣмъ открыли и доказали ее у человека.

Сейчасъ — давай разсматривать, «что-же она дѣлаетъ?»

«Собираетъ пектаръ», «копается въ пѣтахъ». Это подозрительно и *осудительно*. Но, въ самомъ дѣлѣ: у бабочки — совершенно *нѣтъ рта*, нѣтъ — — ничего для питья и для принятія твердой пищи. Каптеревъ сейчасъ-же сказалъ, какъ натуралистъ: «у *нихъ* (онъ не сказалъ — у *всѣхъ*) — пѣтъ кипечника (я читалъ гдѣ-то, что, кажется — иногда, «не бываетъ кишечника»): значить это — что *нѣтъ и желудка*? Конечно! Что за странное... существо, бытіе? «Не питающаеся». Да долго-ли онѣ живутъ? Есть «мухи-поденки». Но, во всякомъ случаѣ — онѣ, — и уже безспорно *всѣ*, — *совокупляются*. Значить, «міръ будущаго вѣка» по презимуществу опредѣляется какъ совокупленіе»; и тогда проливается свѣтъ на его неодолимость, на его неяснѣмость, и, увы или «*не увы*», — на его «священство», что оно — таинство» (таинство — брака). Открытій — чѣмъ дальше, тѣмъ — больше. Но явно, что у насѣкомыхъ, коровъ, вездѣ, — въ животномъ и растительномъ

міръ, а вовсе не у человѣка одного, — оно есть «тайнство, небесное и святое». И, именно, въ центральной его точкѣ — *въ совокупленіи*. Тогда понятна «застѣнчивость половыхъ органовъ»: это — «жизнь будущаго вѣка входитъ черезъ это «въ загробную жизнь», «въ жизнь будущаго вѣка».

И, странно: тогда понятно *наслажденіе*; «Эдемъ блаженство». Но — и болѣе: обратимся къ «нектару цвѣтовъ». Дѣйствительно, поразительно то особенно, что насѣкомыя (не однѣ бабочки, но и жуки, «бронзовики», «Божія коровки») кошаются *въ громадныя относително себя* половыхъ органахъ деревьевъ, и особенно — кустовъ, розъ и проч., олеандровъ, и т. п., орхидей. *Чѣмъ цвѣты представляются для бабочекъ?* Вотъ-бы что надо понять, и что понять — *неуменьшительно необходимо*. Но невозможно, что для каждаго насѣкомаго «дерево и цвѣтокъ». «Садъ и цвѣты» представляются «раемъ»... Да *такъ* вѣдь и есть: «лѣто, тепло; и — Солнце», въ лучи котораго онѣ влетаютъ: а съ цвѣтковъ «собираютъ нектаръ». Тогда нельзя не представить себѣ «соединеніе нектара и души», и что «душа — для нектара», а «нектаръ — для души». Въ третьихъ — мнѣя: «боги на Олимпѣ» питаются нектаромъ и амброзіей». Но и раньше мнѣя и параллельно ему: сколько свѣта проливается въ то, «почему цвѣты пахнутъ», и отчего-же у растений цвѣты — такіе огромные, что въ нихъ — «влѣзть цѣлому насѣкомому». Совершенно явно: *величина* цвѣтовъ — именно чтобы насѣкомому войти *всему*. Тогда понятно, что «растенія слышать и думаютъ (сказки древности), да и вообще понятно, что онѣ «съ душою». О, *какою* еще... Но вотъ что еще интереснѣе: что «садъ», вообще всякій садъ, «нашъ и земной», есть немножко и *не «нашъ» и не «земной», а тоже — «будущаго», «загробнаго вѣка*. Тогда понятно — «зима и лѣто», ибо *изъ зимы и черезъ зиму*, пролежавши зиму «въ землѣ», зернышко «встаетъ изъ гроба». Въ сущности, по закону — какъ и «кукулка» бабочки.

Такимъ образомъ «наши поля» суть «загробныя поля», «загробныя нивы». Тогда конечно:

Когда волнуется желтлющая нива

То въ небесахъ я вижу Бога

Вообще понятно — особенное и волнующее чувство, испытываемое человѣкомъ въ саду, испытываемое нами въ полѣ, испытываемое нами въ лѣсу, и — *раціоналистически никакъ необъяснимое*. Понятно, почему «Антей, прикасаясь къ матери-землѣ, опять становится въ силахъ». Въ «древности» вообще тогда очень многое объясняется; какъ равно у Достоевскаго его знаменитая, потрясающая, стоящая *всего* «язычника-Гете» фраза: «Богъ взялъ сѣмена изъ мировъ иныхъ и посѣялъ на землю. И взросло все, что могло возрасти. Но все на землѣ живетъ черезъ таинственное касаніе мірамъ инымъ». Тутъ — *все* язычество уже. Уже напр. весь

Египетъ, храмы коего — суть прямо рощи, колонны — деревья, непременно — деревья, съ «капителями-цвѣтами». Да и каждый-то нашъ садъ есть «таинственный храмъ», и не только «посидѣть въ немъ — поздоровѣть», но и «посидѣть — помолиться». Да и понятны тогда «священныя рощи древности», понятна вообще «природа, какъ святая», а не «одно богословіе святое». Но вернемся еще къ страстямъ и огню.

Таинственно черезъ нихъ и «оргіи» дѣйствительно проглядываютъ «жизнь будущаго вѣка». Вѣдь посмотрите, какъ подозрительно и осудительно ласкаются мотыльки съ цвѣтами. Дѣйствительно, — нельзя не осудить. Но... «жизнь будущаго вѣка», и... что подѣлаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли всѣ «оргіи древности»; и что «безъ оргій не было древнихъ религій». Вспомнишь «нектаръ и амбровію» Олимпа; и какъ на рисункахъ, *не смѣя словами*, — я объяснилъ въ «Восточныхъ мотивахъ» египетскія мистеріи. Просматривая теперь въ коллекціи монетъ — монеты всевозможныхъ странъ съ такими-же точь-въ-точь изображеніями, — я уже смотрѣлъ на нихъ съ родствомъ и ибмымъ пониманіемъ; не высказанно и безмолвно, какъ я-же въ «Восточныхъ мотивахъ», древніе передали на нихъ любимыя свои «мистеріи», о которыхъ они о *всѣхъ* и *все* знали, но никто ни единымъ словомъ не обмолвился, какъ «о жизни будущаго вѣка», о которой *въ этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчаніе*.

Но... Такъ вотъ *откуда* — «наши страсти»!!!? Эти по петлѣ «протуберанцы солнца» (факелы, изверженія изъ тѣла солнца). Да ужъ и солнце не въ «страстяхъ»-ли? По-истинѣ, «и на солнцѣ есть — пятна». Одинъ Христосъ безъпятнистъ. А наше солнышко — съ грѣшкомъ, горитъ и грѣбеть, горитъ и грѣбеть; горитъ — и вотъ «по-веситъ», когда его — «больше» когда оно не только грѣбеть, но и начинаетъ — горячить: тогда животныя всѣ забеременываютъ. Сила солнца, «грѣшокъ» солнца — переходитъ въ животныхъ. Все — тучнѣетъ, животы у всего — разрастаются. Сама земля — прорастаетъ зерна... И вотъ — Деметра, вотъ — Гея, и опять — «Волнующая пива», которая «вздыхаетъ грудь къ молитвѣ». Что-же: сказать христіанству, что это «не правда»? И что въ однихъ духовныхъ академіяхъ — богословіе? Но гораздо болѣе богословія въ подымающемся быкѣ на корову... И вообще:

Весна идетъ, весна идетъ

Вездѣ идетъ зеленый гуль.

это — язычество, которое — истинно; это —

Аписъ и Серапеумъ.

Каптеревъ задумался и сказалъ: «Открыто наблюденіями, что въ гусеницѣ, *обившейся кокономъ, и которая кажется — умершею, начинается послѣ этого дѣйствительно перестраиваніе тканей тѣла.* Такъ что она не мнимо умираетъ, но — дѣйствительно умираетъ...»

Только на мѣстѣ умершей гусеницы начинаетъ становиться

что-то другое; но — именно *этой* определенной гусеницы, какъ-бы гусеницы — лица, какъ-бы съ фамилією и именемъ: ибо изъ всякой гусеницы, *туда положенной*, и выйдетъ — *онъ та бабочка*. А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки изъ нея не выйдетъ, ниче.о не выйдетъ, и гробъ останется гробомъ, а тѣло — не воскреснетъ». Тогда-то, тогда мнѣ стало понятно, почему феллахи (потомки древнихъ египтянъ, явно сохранившие всю ихъ вѣру) плакали и стрѣляли изъ ружей въ европейцевъ, когда тѣ перевозили муміи, извлеченныя изъ пирамидъ и изъ царскихъ могилъ. Они, эти пугливыя, заживо умершіе и прогнѣхшіе, не понимая ни жизни, ни смерти, «нарушили цѣлость тѣла ихъ (феллаховъ) предковъ», и тѣмъ лишили ихъ «воскресенія». Они, о чемъ предупредилъ Каптеревъ, какъ-бы «разломали муміи пополамъ», или, все равно — пронзили иголкою «куколку», послѣ чего она приобщается *смерти безъ бытія*. Тогда мысль, что «бабочка есть душа гусеницы», «эпителия гусеницы» (Флоренскій) — еще болѣе утвердилась у меня: а главное — мнѣ разъяснилось и *доказалось*, что египтяне въ мысленія и открытіяхъ «загробнаго существованія» шли тѣмъ-же путемъ, какъ я, т. е. черезъ «бабочку» и ея «фазы». Что это и для нихъ было нуть открытій и «откровеній», да вѣдь и вообще это — *истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги-муміи. Кто выдалъ ихъ въ нижнею стаяжъ Эрмитажа, тотъ не могъ не поразиться, раньше всего — *величиною*. Зачѣмъ — такой *большой*, огромный саркофагъ — для муміи умершаго, вовсе не большой? Но вѣдь это — «коконъ» куколки — человѣка и; строился саркофагъ непременно и именно по образцу кокона. Вотъ такой-же продолговато-гладкій какъ рѣпчательно всякій коконъ, какой безусловно стронть себѣ всякая гусеница — и египтяне тѣ себѣ изготовляли, «тукляваясь». И тѣло клалось — въ пелену, «завертывалось», какъ гусеница напр. шелковичнаго червя, прямо «выпуская изъ себя» шелковыя нити, прямо дѣласть себѣ «шелковую рубашечку».

Поверхъ этого жестокая, коричневатая скорлупа. Это — саркофагъ, всегда коричневатаго однообразнаго тона. Кажется, онъ гипсовый, и тогда онъ и по матерьялу естества сходенъ съ оболочкою куколки, ибо что-то въ родѣ извести, какъ выпота, даетъ и тѣло гусеницы. Вообще, ритуаль погребенія у египтянъ вышестъ изъ подражанія именно фазамъ окукливающейся гусеницы. А главное — отсюда скарабей - жукъ - наѣкомое, какъ «символь переходъ въ будущую, загробную жизнь». Это знаменитѣйшее изъ божествъ Египта, можно сказать — самое великое ихъ божество. Почему — наѣкомое? Но — *тотъ-же нуть*, какъ и у меня, разсужденія. Главное, самое главное, что египтяне открыли, — это «наѣкомо-образную будущую жизнь». И увѣковѣчили, что — именно *отсюда они ее открыли* — наѣкомыми, скарабеемъ. Это — благороднѣйшая память, т. е. воспоминаніе и благодарящая память за свою родную исторію и тѣмъ главнымъ образомъ, былъ полонъ

смыслъ ихъ исторiи. Отсюда уже множество объясненiй, напр. почему во время «пиршествъ» и особенно во время «домашнихъ пиршечекъ» — любили они «проносить мумiи». Это — не печаль, не страхъ, не угроза. Не «окаянная угроза христiанъ смертью», — могущая прекратить всякую радость. Напротивъ, напротивъ: это — радость обѣщанiй вѣчной жизни и *радости этой жизни, ея воздушности, ея прелести*. «Мы теперь радуемся еще не совершенно», «мы — въ пирѣ, но еще не полномъ». «Лишь когда все кончится — мы войдемъ в полную любовь, въ совершенный пиръ, съ яствами, съ питiями. Но вино наше будетъ неистощимо, и питiя наши — сладостнѣе всѣхъ здѣшнихъ, потому-что это будетъ чистая любовь, и матерьяльная-же, вещественная, но уже какъ-бы изъ однихъ лучей солнца, изъ свѣта и пахучести и эссенци загробныхъ цвѣтовъ. Потому-что ужъ если *идь цвѣты то — за гробомъ*».

Небесныя розы! небесныя розы!! — и египтяне вносили мумiю.